

ОЛЬГА ГРОМЬКО

ВЕДЬМА - ХРАНИТЕЛЬНИЦА

Профессия: ведьма

Белорийский цикл

Ольга Громыко

Ведьма-хранительница

«Автор»

2003

Громыко О. Н.

Ведьма-хранительница / О. Н. Громыко — «Автор»,
2003 — (Белорийский цикл)

ISBN 978-5-9922-0087-4

Кто сказал «Тяжело в учении, легко в бою»? А подать его сюда, в бой! Школа Чародеев, Пифий и Травниц закончена, но проблемы молодой дипломированной ведьмы только начинаются. Школа магов окончена. Вольху Редную ждут в Догеве, стране вампиров. Но распределение предполагает, а провидение – располагает... Захотелось ей, видите ли, приключений, легендарных подвигов и разгадок великих тайн! Что ж, хлебная должность королевского мага побоку, и пожалуйста – теперь Вольхе Редной будет о чем рассказать внукам... если, конечно, удастся с честью выйти из любезно подкинутых Судьбой испытаний...

ISBN 978-5-9922-0087-4

© Громыко О. Н., 2003

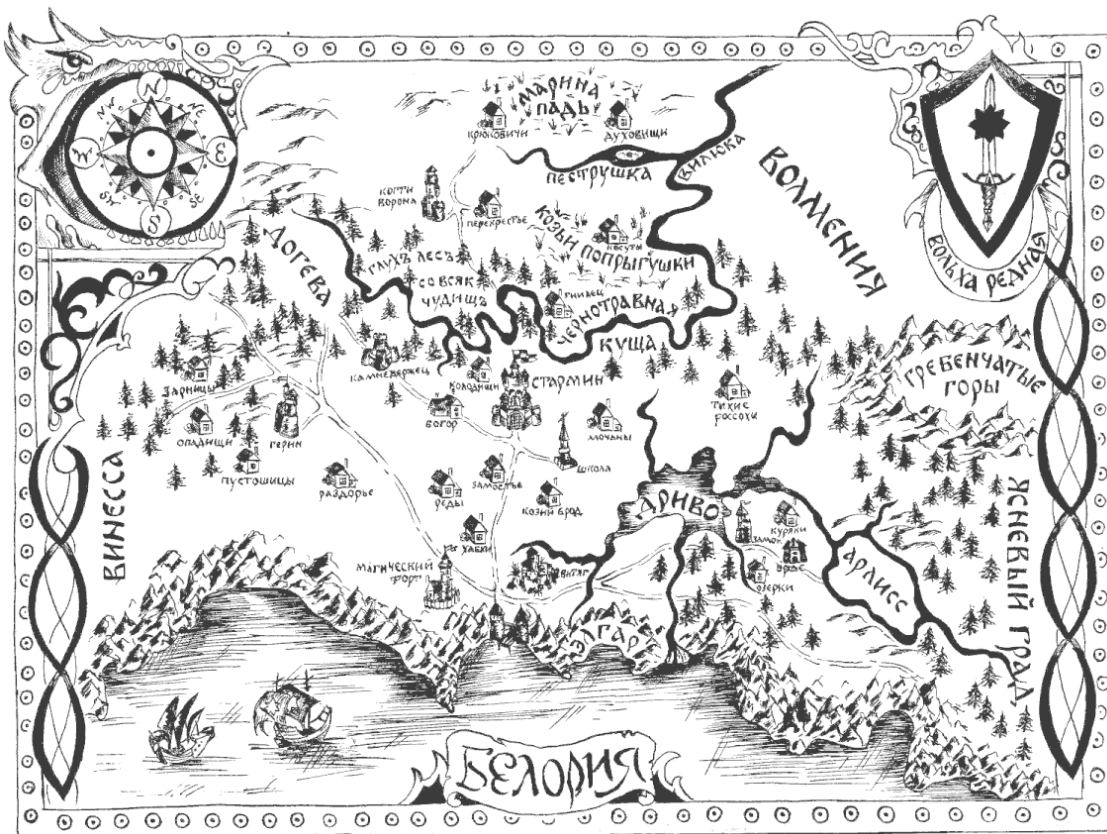
© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

...У любовной истории со счастливым концом нет шансов войти
в легенды...

Циничный менестрель

Глава 1

Надежды пессимистов на холодную, затяжную весну развеялись уже в середине цветня. Чуть отзвенела капель – дохнули жаркие южные ветра, вытапливая из почек бутоны, а из земли – сочные молодые травы. Несколько удивленные внезапным теплом, птицы вили гнезда, звери линяли, а люди доставали из сундуков сапоги и куртки, на всякий случай не пряча шуб и валенок. Всего три недели назад вниз по реке тянулись караваны льдин, а сегодня уже отцветали сливы и луга подернулись желтой дымкой одуванчиков. Лесное озерцо, еще не успевшее зарости кувшинками, оторочили побегами камыши, припорошили сережками ивы. По водной ряби плясали солнечные блики, над раскаленным песком лениво колыхалось марево, стрекозы с треском вспарывали воздух, гоняясь за мошками. Сочная, повесенному яркая молодая листва зеленым пламенем трепетала на веточках, птичий оркестр исполнял залихватскую симфонию, в глубине леса томно куковала кукушка.

Все было настолько прекрасно и упоительно, что при взгляде на гору конспектов, пожелтевших свитков, расхлябанных гремуаров и прочей дряни у меня темнело в глазах и возникало непреодолимое желание утопиться в озере.

– Билет 127, вопрос 3, – неумолимо продолжал Лён. – «Самопроизвольный распад заклинаний и его причины».

– А... Э... Вот, например...

– Отлично, помнишь. Пошли дальше.

Я благодарно взглянула на вампира. Не будь его, я бы уже давно сбила язык и натрудила пассажи руки, доказывая, что в закромах моей памяти еще не обросли пылью ценные сведения о непроизвольном распаде.

– Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

– Может, пропустим?

– На экзамене тоже пропускать будешь?

– У-у-у... Я лучше семнадцать реакций конденсации энергии напишу. Ну какая разница, в каком году Рион Копыльский изобрел мультиполярную трансгрессию?

– Не Рион Копыльский, а Половья Белорская, твоя, между прочим, землячка.

– Давай повторим самое важное, а потом вернемся к истории.

– Отринь надежду, скудоумная отрочица. Нет тебе ни пощады, ни диплома.

– Ах ты, вампирюга! – Я бросилась на Лёна, и мы, сцепившись, покатались по пляжу. Тщетная попытка отстоять мое доброе имя. Вампир очень быстро одержал верх и, довольный, пригладил растрепанные волосы правой рукой, левой без видимых усилий прижимая меня к песку.

– Ну Лён! – чуть погода заскулила я, отчаявшись вырваться.

– Проси пощады.

– Ни за что!

– Тогда лежи, – великодушно позволил вампир.

– Ну Лён! Мне повторять надо! У меня экзамен через три дня!

Вампир демонстративно зевнул, не убирая руки.

– Повторяй. Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

– Не знаю! – Я дернулась из последних сил, но стальная рука даже не шелохнулась.

– Ага! Учи давай.

– Не буду! Он мне не попадется!

– Так что, выходит, я зря послал в Школу запрос на молодого специалиста?

– Ты это сделал?!

– Да, и уже раскаиваюсь. Магичка из тебя, как из козла – дойная корова!

– Лён, ты прелесть! – восхищенно завизжала я.

– Знаю, – уныло согласился вампир. – А еще дурак, каких поискать. Казалось бы, я знаю тебя достаточно долго и хорошо, чтобы не совершать подобной ошибки.

– Ну отпусти, я буду паинькой!

– Что-то не верится, – вздохнул Лён отодвигаясь.

Окрыленная радужной перспективой, я раскрыла конспект, но длинный столбик дат и имен живо привел меня в чувство. Я снова взбунтовалась:

– Ну почему я должна засорять мозги этой ерундой? Можно подумать, кладбищенские упыри и буерачные стрыги будут помогать от меня фамилии изобретателя левитации или издохнут от страха при упоминании даты создания Межрасового Ковена Магов!

– Не засорять, а тренировать. Учи-учи, не отвлекайся. И набрось рубашку, у тебя уже плечи обгорели.

– Серьезно? Пока не чувствую. Погоди, полежу в купальнике еще пару минут, пусть загар возьмется покрепче. Мало ли какое лето выдастся, в прошлом году хорошего солнца вообще не было, так и ходила бледная, как вампир... то есть немочь.

Бледным Лёна не посмел бы назвать самый лютый недоброжелатель. Загар ложился на его кожу ровнее патоки, вампиру не приходилось прилагать для этого никаких усилий вроде многочасового лежания на пляже с натираанием специальными кремами.

– Итак, начнем. Я буду называть дату, а ты – всесторонне ее освещать, – предложил Лён, с книгой в руках переворачиваясь на спину и сладко потягиваясь, шурша крыльями по песку. – 147-й год до эн э.

– М-м-м... Теория овеществления желаний?

– Да. Ты подсматриваешь. Закрой конспект. О, леший бы его побрал!

Я бы не возражала, если бы леший побрал не только конспект, но и свитки, гремуары, экзамены, Школу, да и Лёна в придачу.

– Кайел идет, – пояснил вампир, вскакивая на ноги и торопливо отряхивая песок с груди и штанов. – Меня здесь нет! Не было и не будет.

– Ладно, – проворчала я, втайне радуясь неожиданной передышке. Впрочем, довольно сомнительной передышке. Кайел был нашей общей головной болью. Во-первых, он считал Лёна чем-то вроде своей записной книжки и консультанта по жизненно неважным вопросам, преследуя Повелителя, как голодный слепень. Во-вторых, твердо верил, что умирает от страшной болезни, вот только никак не мог определиться от какой. Разочаровавшись в Келле (несдержанная Травница, доведенная нытьем профессионального больного до белого каления, высказала симулянту все, что о нем думает, смертельно оскорбив несчастного страдальца), Кайел переключился на меня. Все свои каникулы и преддипломную практику я просидела в Догеве, собирая материал по свойствам уникального природно-магического явления, так называемого «эффекта черновика», попутно совершенствуясь во врачевании на страждущих добровольцах (с ведома Лёна и Келлы; последняя охотно поручала мне несложные операции вроде заговора прыщей и с еще большей радостью свалила на меня Кайела). Этот относительно молодой вампир (лет сто восемьдесят – двести) выглядел на все тридцать и, по нашему общему с Келлой мнению, был здоров как бык. Тем не менее я добросовестно осматривала его по любому поводу, честно пытаюсь отыскать в крепком, упитанном теле зловещие признаки надвигающейся кончины, но тщетно. Брюшной тиф, чахотка, инфаркт, столбняк и гангрена моментально отступали, стоило мне убедить Кайела, что они проявляются совсем иначе. Он верил, но недолго. Уже через два-три дня он обнаруживал в себе новые симптомы и, стenea, бежал ко мне, твердо веря, что одна я могу спасти его от неминуемой гибели.

Лёну приходилось еще хуже. Единственной официально признанной болезнью Кайела был склероз. Самое удивительное, Кайел игнорировал диагноз и возмущенно отказывался от Келлиных эликсиров, улучшающих память.

Первое упоминание о Кайеле относилось к осени позапрошлого года, когда Лён, издали почуяв очередного просителя, идущего к Дому Советов, подхватился с кресла и совсем уж не по-повелительски выскочил в распахнутое окно.

– Надоел мне этот тип хуже горькой редьки, – жаловался потом Лён. – Дня без Повелителя прожить не может. Вчера тоже приходил... в расстроенных чувствах. Хомут у него пропал. Вернее, загулял парень вечером и не помнит, где распрягал лошадь. А мне копайся в его подсознании, перерывай грязное белье. Тягается с разной ерундой, вместо того чтобы поискать получше... – раздраженно добавил он.

– Нашелся хомут?

– Нашелся. Он его под печь засунул.

– Вот уж где не подумала бы искать. Не ерунди, надо относиться к жизни проще, а не то к двумстам годам превратишься в настоящего упыря – ехидного, злющего, занудного и вредного. Если уж этот мужик... то есть вампир... набрался храбрости и пришел к тебе, значит, для него этот хомут как сын родной. Может, это тещин подарок на свадьбу. Пожалей бедолагу, пусть найдет свой хомут и возрадуется!

– Так он в следующий раз вконец обнаглеет и пошлет меня топор искать! – пуще того распалился Лён.

– Может, постыдится?

– Держи карман шире!

Ох, не знала я, за кого заступаюсь! Топор, портки, кадушка, странные звуки на чердаке, ночные отлучки старшей дочери, косой взгляд соседа, невсхожесть позапрошлогодних семян огурцов, приснившийся гроб, утонувшая (или всплывшая) в колодце кадка, карканье вороны под окном, бульканье в левом подреберье при надавливании, – все это мы с Лёном должны были осмотреть, истолковать, дать совет и так далее и тому подобное. Неудивительно, что Повелитель шарahalся от ретивого подданного, как от моровой язвы.

Укрыться от Кайела в Доге, как, впрочем, и от любого вампира, было невозможно. Он чуял меня за версту, как стервятник – павшую корову. Если Лён или Келла, вовремя приметив Кайела, могли (что и делали) шмыгнуть в кусты и затаиться, то мне оставалось только скрипеть зубами, через силу выдавливая вежливое приветствие.

– Доброе утро, Кайел, – как можно небрежнее бросила я, делая вид, что всецело поглощена учебой.

– Кому доброе – кому, быть может, последнее, – уныло, в своем репертуаре протянул Кайел, останавливаясь возле меня и заслоняя солнце. – Ты Повелителя не видела?

– Нет, не было и не будет, – заученно отбарабанила я, переворачивая страницу. Горький опыт подсказывал мне – так просто от Кайела не отвяжаться. Горький опыт был прав. Кайел не уходил, выразительно сопя над моим плечом. Ни в коем случае нельзя было задавать ему никаких вопросов, особенно интересоваться здоровьем. В противном случае вы уже не смогли бы уклониться от подробного описания заполненного страданиями дня и такой же ночи.

– Что-то я себя неважно чувствую, – начал Кайел, так и не дождавшись от меня возобновления разговора.

Я ничуть не удивилась. Это была его дежурная фраза. Внутренне сжавшись от предчувствия неизбежного, я молчала, как гном на допросе. Сколько крови мне испортил этот «умирающий» вампир, не передать.

– Голова что-то кружится... Сердце громко стучит. И в глазах темнеет... – продолжал Кайел, заметно воодушевляясь и делая неизменный логический вывод: – Видно, смерть моя пришла.

– По-моему, с прошлого лета она и не уходила.

– Как тебе не стыдно шутить над такими вещами! – неподдельно возмутился Кайел. – Бессердечные вы, люди, безжалостные. Нет в вас сострадания к ближнему. Умри я у тебя на глазах – и то не заплачешь.

– Не заплачу, – подтвердила я. – Кайел, вы меня переживете. Ну что вы опять выдумали? Сколько у вас голова кружится? Минут десять?

– Час, – гордо поправил меня вампир. – С утра нормально себя чувствовал, до обеда – тоже, а как закончил сажать картошку, разогнулся, – так и повело...

Я чуть не застонала от злости.

– Кайел, вы просто перегрелись на солнце. Посидите в тенике, выпейте стакан воды, и ваша смерть уйдет несолоно хлебавши.

– Горячей или холодной? – дотошно уточнил вампир.

– Теплой, кипяченой!

– А это точно поможет?

– Точно, точно, только уходите отсюда, не стойте на солнце, а то хуже будет.

Лишь непосредственная угроза здоровью могла прогнать Кайела с пляжа. Просветлев лицом, вечный доходяга удалился бодрым шагом абсолютно здорового вампира.

Лён выбрался из кустов, и мы возобновили каторжные работы в гранитных рудниках науки. Выучить, то есть логически уложить в памяти, историю развития магии я так и не смогла, – задолбила, как скворец, не вникая в смысл слов. С сожалением убедившись, что на большее я не способна, Лён объявил десятиминутный перерыв.

Спина у меня сторела окончательно; по мнению Лёна, ее радикальный красный цвет свидетельствовал скорее о готовности вареного рака, нежели намертво взявшемся загаре. Как ни манил меня теплый песочек, пришлось накинуть рубашку и перебраться в тень под ивы. Мартовский ураган повалил одно из деревьев, вывернув с комлем, и оно медленно, мучительно умирало на земле, поникнув едва развернувшимися листиками.

– Лён, помоги, а?

Вампир, казалось, дремал, растянувшись в редком тенике, но охотно поднялся и подошел к дереву. Я еще раз подумала, как удобно общаться с телепатом, – не задав ни единого вопроса, Лён рывком приподнял иву и установил комлем в яму.

– Чуть левее... теперь на меня... хорошо, вот так и держи. – Опустившись на четвереньки, я с энтузиазмом подгробала и утаптывала землю вокруг ствола. Лесопосадочные работы близились к завершению, когда в кустах снова зашебуршали шаги и оттуда вынырнула Келла с букетом молодой крапивы, от целебных укусов коей Травницу защищали толстые холщовые перчатки.

Увидев Лёна, вампирка ахнула от возмущения.

– Повелитель! Что вы тут делаете?!

– Держу дерево, – вежливо, но малопонятно объяснил Лён, избегая глаз Травницы, мечущих молнии.

– Вас по всей Догева разыскивают!

– Зачем?

– И вы еще спрашиваете!? Через полчаса прибывает посольство из Арлисса!

– Келла, я вчера ясно дал понять: я не хочу и не буду его принимать. Разбирайтесь сами.

– «Не хочу» и «не буду» – две разные вещи. А ну, немедленно собирайся, и идем в Дом Совещаний!

– Келла, с кем ты разговариваешь? – вкрадчиво поинтересовался Повелитель.

Травница немного сбавила тон:

– Повелитель, вы *обязаны* там присутствовать.

– Ничего подобного.

– Будет скандал!

– Будет, – равнодушно согласился Лён.

– Повелитель!

– Травница?

– Умоляю вас, примите их.

– Нет.

– Лён!

– Нет.

– Ваше непонятное упрямство поражает меня в самое сердце!

– Если бы у тебя было сердце, ты бы меня поняла.

Келла как-то странно примолкла, бросила косой взгляд в мою сторону.

– Лён, я тебя от чего-то отрываю? – робко спросила я, почуяв неладное. – Иди, я сама повторю, мне уже немного осталось.

– Ни от чего ты меня не отрываешь. Уходи, Келла. Не стоит продолжать этот бессмысленный разговор.

На побледневшем лице Травницы явственно отразилось желание отхлестать Лёна крапивой.

– Ты, паршивый мальчишка! – вспыхнула она, отбросив приличия. – Хватит с меня твоих дурацких выходок, и без того ослабил себя, а заодно и Догеву хуже некуда! Повелевать легко, поди-ка подчинись разок, наступи на горло своей гордости, зарвавшийся щенок!

Последовала немая пауза, во время которой Келла, осознав, на кого повысила голос, медленно покрывалась пятнами. Ее расширенные зрачки подрагивали, словно в предсмертной агонии.

– Aek'vill kress, – тихо и зло сказал Повелитель, вспарывая напряженную, страшную тишину. – K'ere-ell, Kie-Lanna.

Это прозвучало как пощечина.

Травница пошатнулась. Швырнув крапиву Лёну под ноги, Келла закрыла лицо руками и, спотыкаясь, как подстреленная, помчалась прочь, не разбирая дороги.

– Лён... – осторожно начала я.

– Помолчи, ладно?

– Может...

– Знаю. Я погорячился. Она тоже. – Вампир отступил на шаг, критическим взглядом окидывая прикопанное дерево. – И хватит об этом, давай готовиться к экзамену.

Пожав плечами, я подобрала с земли конспект, но процесс обучения застопорился и постепенно сошел на нет. Лён заметно охладел к практической магии, стал рассеян и почти не слушал моих ответов.

Мне быстро надоело слушать свой запинаящийся голос и равнодушное поддакивание вампира. Звучно захлопнув конспект и тем временно вырвав Лёна из состояния отрешенной меланхолии, я объявила, что на сегодня хватит и вообще я хочу есть, а Крина обещала испечь на ужин пирог с потрохами. Окажет ли Повелитель нам честь, присоединившись к трапезе? Нет, не окажет – отчасти из-за нехватки времени, отчасти из-за отвращения к потрохам. Возможно, заглянет попозже, ближе к ночи... не захвачу ли я с собой его штаны? В волчьей пасти они могут потерять товарный вид. Я заверила Лёна, что обладание штанами Повелителя доставит мне огромную, ни с чем не сравнимую радость.

На сей раз мой сарказм не достиг цели. Повелитель скомандовал «Отвернись!», а когда мне позволили оглянуться, аккуратно сложенные штаны лежали на песке. Рядом встряхивался, приводя в порядок лохматую шубу, белый волк.

На том мы и расстались. Волк исчез в чаще, приняв себя к Келлиным следам, я же, перекинув штаны через плечо, пошла к ближайшей пространственной перемычке – за время работы над дипломом я досконально изучила сетку портов и туннелей «черновика».

Как и следовало ожидать, почти сразу же я наткнулась на Келлу, старательно поливающую слезами жасминовый куст. Куст не проявлял должного восторга. У догевской Травницы был просто феноменальный талант попадаться на глаза жаждущим уединения догевцам и исчезать, когда позарез требовалась ее помощь.

Подойдя к рыдающей девушке, я села рядом. По правде говоря, «девушка» была старше меня раз эдак в десять, но внешне казалась моим погодком. Келла частенько задавалась по этому поводу, снисходительно называя меня «малышкой», но разве я виновата, что вампиры живут в пять раз дольше? При всем своем желании я вряд ли доживу до того возраста, когда разница в годах уже не будет иметь значения. А посему я давно махнула рукой на этикет и упорно называла Келлу на «ты». Не сказать, чтобы ей это нравилось, но открытого недовольства она не выказывала.

– Эй, – я легонько коснулась ее локтя, – да что случилось-то?

Вместо ответа вампирка порывисто уткнулась мне в плечо, обняв руками за шею. Я растерянно погладила Келлу по вздрагивающей от рыданий спине. Утешать я никогда не умела и не любила.

– Ладно тебе убиваться... Подумаешь, с Повелителем поругалась... вы с ним по десять раз на дню цапаетесь...

– Он... он обозвал меня... сводницей! – горестно всхлипнула Келла в мое и без того насквозь промокшее плечо.

– За что?!

Но вампирка возрыдала пуще прежнего, явно не желая отвечать на вопрос, и я поспешила сменить тему:

– На каком языке вы говорили?

– На алладаре, – невнятно буркнула Травница. – Это наш древний исконный язык...

– Неужели? А я думала, вампиры говорят на Всеобщем. – Я изобразила глубокую заинтересованность.

Сработало. Травница оторвалась от моего плеча, достала из кармана платок и звучно высморкалась.

– На алладаре мы общаемся только между собой, и то не всегда. Это Всеобщий как лесной пожар – охватывает одну расу за другой. Через пару-тройку столетий никто даже не будет догадываться о существовании иных языков. Зачем семь лет изучать алладар, если уже через полгода можно свободно болтать на Всеобщем? – Келла звучно потянула носом.

Я почесала маковку. Все Разумные расы, разумеется за исключением человеческой, находили во Всеобщем свои недостатки. Гномам не нравилось обилие гласных, эльфам – грубое звучание, троллей не устраивала скудость ненормативной лексики, теперь вот еще вампиры сокрушаются по поводу неравноценной замены. По мне, все их языки годились только на заклинания – такие же замысловатые и зубодробительные. Поделиться этим нелестным для вампирки соображением я не успела – на поляну выскочил белый волк.

Увидев меня, он попятился от неожиданности, но потом, досадливо чихнув и покрутив мордой, трансформировался, помахал крыльями, разминая мышцы, и подошел к нам.

Два угрюмых взгляда снизу вверх слегка пошатнули его решимость. Вампир помялся на месте, смущенно кашлянул.

– Вольха, там тебя пирог ждет не дождется, – напомнил он.

Я вложила в скептическое хмыканье все свое отношение к его дипломатическому такту.

– Согласен, это дурацкая отговорка. Пожалуйста, уйди – нам нужно серьезно поговорить.

Я посмотрела на Келлу.

– Иди, – кивнула Травница, – мы сами разберемся.

– А если вы поубиваете друг друга – можно, я возьму черепа для музея? – с надеждой поинтересовалась я. – Эй, эй, я все поняла! Уже исчезаю!

– Штаны отдай! – наконец вспомнил Лён, и я мстительно запустила в него скомканными штанами.

Подслушивать за вампирами было бесполезно. Во-первых, Лён мгновенно выводил меня на чистую воду, во-вторых, – они немедленно перешли на свой гортанный язык. Пришлось уйти по-настоящему.

Пирог Крина обещать-то обещала, но так и не испекла. И вообще, с тех пор, как в ее доме поселился некий – надо заметить, довольно симпатичный и приятный в общении – вампир мужского пола по имени Ороен, моя домохозяйка стала уделять готовке возмутительно мало времени, целыми днями где-то пропадая со своим избранником. Можно было подумать, что они питаются воздухом. Последний месяц я ходила злая и голодная, подкармливаясь у своих пациентов да изредка на банкетах у Лена. Не то чтобы Повелитель редко меня приглашал – просто он терпеть не мог официальных приемов, сбегал оттуда под любыми предлогами, и мы голодали вместе.

Вот и сейчас – вместо тепленького, поджаристого пирога с хрустящей корочкой меня ожидали чугунок с холодной вареной картошкой, кринка с кислым молоком и ломоть черствого хлеба. Тяжело вздохнув, я зачерпнула простоквашу ложкой, подержала у рта и со страдальческой гримасой вылила обратно в кринку. Раньше она хоть для волка мясо покупала. Волк исчез незадолго до весны, в мое отсутствие – видать, издох от голода, мрачно подумала я, бросая ложку.

В окошко мне виден был уголок Дома Советов – там переминались с ноги на ногу гнедые кони в сине-золотых чепраках. Арлисская делегация как раз проходила в здание, только что покончив с приветственным церемониалом. Последними в Дом вошли Догевские Старейшины. Я сглотнула слюну, представив длинный стол, накрытый белой скатертью и уставленный изысканными блюдами. Конечно, стоило мне пожаловаться Лёну на вегетарианскую диету, и он подыскал бы мне более хлебосольную домохозяйку, но я не хотела обижать Крину и, что греха таить, надеялась хоть чуточку похудеть перед выпускным балом.

Один из коней заржал, и мое внимание снова переключилось на Дом. В поле зрения появились Лён и Келла – оба при полном параде, он в белом, она в черном. Рука Травницы покоилась на галантно подставленном локте Повелителя. Сладкая парочка усиленно игнорировала друг друга, заключив временное перемирие на взаимоневыгодных условиях. Лён пропустил Келлу вперед, вошел следом и закрыл дверь. Конь снова заржал, отмахивая мордой назойливого овода. Красивый, рослый верховой жеребец, но не той породы, что разводят в Догеве, – здешние кони несколько массивнее, с более густыми, но короткими гривами-щетками и длинными волнистыми хвостами. Вампиры называли их «к'яарды», утверждая, что лучших скакунов не сыскать. В Арлиссе, похоже, сыскали...

Я отвернулась от окна. Вид простокваши и конспектов наполнил мою душу неизбывной скорбью.

Глава 2

До отъезда мне так и не удалось повидаться с Лёном. Это почему-то показалось мне дурным знаком. Не из-за экзамена. К десятому курсу начинаешь понимать, что абсолютного знания не бывает, за относительное ниже тройки не поставят, а недостающее всегда можно придумать. И потом, у меня было ощущение, что все оценки распределены заранее, подписанные дипломы давным-давно лежат у Учителя в столе, а выпускной экзамен нужен Школе только для отчетности – неужто за десять лет наши преподаватели так и не выяснили, кто на что горазд? Конечно, ударить в грязь лицом не хотелось никому, но и излишне переживать не стоило.

Особенно не торопясь, но и не оттягивая время, я распахала по чересседельным сумкам учебники, конспекты, свитки, листы и клочки бумаги с пометками, оделась по-дорожному и, послав к лешему Крину с Келлой (они традиционно пожелали мне «ни пуха, ни пера»), уехала из Догевы.

Лён даже не вышел на крыльцо Дома.

Чем дальше я отъезжала, тем больше мне хотелось завернуть коня и во весь опор помчаться обратно. Ощущение, что я бросаю друга в беде, все усиливалось. В то же время я прекрасно представляла себе лицо Лёна, если я вернусь с полпути, дабы убедиться в его благополучии. Да прежде все догевские вампиры лягут костями, чем на их драгоценного Повелителя упадет пушинка!

Как только Догева скрылась из виду, тревога пошла на спад, но до конца так и не развеялась. Впрочем, очень скоро мне стало не до нее – предстоящий экзамен вытеснил из головы все прочие мысли. Как водится, первыми его сдавали Пифии (иначе от них не было никакого спасения; вынужденные томиться до последнего дня, они так и норовили предсказать идущим на заклятие коллегам какую-нибудь гадость якобы в порядке «повторения материала»), на следующий день экзаменаторы терзали Магов-Практиков, и в последнюю очередь самых терпеливых и безропотных Травников.

Я рассчитывала прибыть в Стармин вечером накануне экзамена, но налетевшая гроза спутала планы, пришлось переждать ее в придорожной корчме, так что в Школу я приехала в самый разгар суматохи – нынешние выпускники, измученные бессонными ночами, бесцельно слонялись взад-вперед по коридорам, уткнувшись в конспекты и бормоча под нос обрывки заклинаний. Результаты не заставляли себя ждать. На втором этаже прямо из потолка шел снег, на третьем лаборанты с кафедры неестествознания гонялись с сачками за пятипалым крысолоком, над головой то и дело проносились молнии, один раз я врезалась в невидимую стену, воздвигнутую на месте открытой двери, потом едва успела отдернуть ногу от вычерченной на полу пентаграммы, которая тут же полыхнула трехаршинным столбом огня, оставив после себя черный дымящийся контур. Двое аспирантов, пыхтя, несли в экзаменационный кабинет длинный стол, покрытый бархатной скатертью. Стол ловко изгибался на поворотах, скатерть брезгливо поджимала углы, уворачиваясь от парящих в воздухе пульсаров.

В спальном крыле было потише; всеми забытый зомби, методично и печально ошипывающий листья с некогда раскидистого фикуса, при виде меня поспешно спрятался за высокую кадку.

– Здравствуй, красна девица! – приветствовала меня Велька, отрываясь от потрепанного фолианта «Приворотные и отворотные зелья». – Ох, до чего же ты красна!

– Н-да, переборщила немного, – призналась я. – У тебя нет какого-нибудь увлажняющего бальзамчика? Плечи словно горят.

Помимо благотворного действия солнца, расцветившего кожу алыми жгучими пятнами, пребывание у озера обернулось для меня доброй сотней зудящих волдырей от комариных уку-

сов. Велька порылась в стенном шкафчике, выбрала большую пузатую бутылку, заткнутую винной пробкой, откупорила, подозрительно понюхала и скривилась. Судя по ее лицу, травница мучительно вспоминала, что же туда налито и не станет ли у нее одной подружкой меньше. Поразмыслив, Велька решила рискнуть, отдала мне бутылку и вернулась к конспектам.

– Как знания? – поинтересовалась я, пытаюсь рассмотреть содержимое бутылки на свет. Точно не поручусь, но там плавало что-то вроде дохлой крысы, невеста как пропихнутой сквозь узкое горлышко.

– Каша в голове, – честно призналась травница, перелистывая страницу, из-под которой выскользнула на кровать сушеная веточка череды. – Такое ощущение, что впервые вижу собственный конспект. А у тебя?

– И не спрашивай. – Я вытряхнула на ладонь немного бальзамчика, оказавшегося густым и прозрачно-серым, с вкраплением каких-то мелких лепестков. Как ни странно, зуд он унял мгновенно, по плечам разлился приятный холодок.

– Счастливая. У тебя экзамен через полчаса, а у меня – завтра, – позавидовала Велька.

Подобное счастье казалось мне весьма сомнительным. Едва я успела втереть в плечи последнюю порцию бальзама, как в комнате, презрев приличия, материализовались Важек, Темар и Енька. Последний держал под мышкой покорно обвисшего Барсика. Хлебная должность школьного талисмана и природная жадность обязали его слопать все дары, поднесенные адептами в преддверии экзамена, и теперь черный кот висел на Енькиной руке мертвым грузом, закатив глаза и лишь изредка шевеля хвостом, чтобы его по ошибке не выбросили на помойку. У остальных был такой затравленный вид, словно они кого-то убили и хотят всучить нам труп на хранение.

– Ну наконец-то!

– Явилась!

– Где тебя носило, рыжая?!

– Я не рыжая! – больше по привычке огрызнулась я. Как назло, с возрастом мои светлорусые волосы все сильнее отливали медью. – Я зо-ло-тис-та-я!

– Ой-ой-ой! – передразнил Темар. – Лучше скажи – готова ли ты к героическим подвигам и великим свершениям? Увековечены ли для потомков бесценные крупички совершенного знания, готова ли ты одарить ими страждущих или, ослепленная гордыней, откажешься протянуть руку помощи сирым и убогим?

– Ты имеешь в виду – как у меня с подготовкой к экзамену, написала ли я шпаргалки и буду ли тебе подсказывать, когда ты начнешь тонуть?

– Ясновидящая... – уважительно вздохнул Темар.

– Да подскажу, конечно, куда я денусь? Если сама что-нибудь вспомню...

– Кто бы говорил! – слаженно протянули друзья-коллеги. – Собирайся, красна девица, на бой со злобными старцами!

– Ни пуха, ни пера! – напутствовала нас Велька.

– К лешему! – привычно откликнулась я, закрывая дверь.

* * *

«Злобные старцы» в лице бывшего аспиранта, а ныне Магистра 3-й степени Алмита (предметная магия), Магистра 2-й степени Крениана (травоведение) и Магистра 4-й степени Родиомира (стихийная магия) встретили нас очень радушно, лишней раз подтвердив мои догадки относительно заранее подписанных дипломов. Экзамен еще не начался, ждали Учителя (он же Ксан Деянир Перлов, Магистр Практической Магии 1-й степени либо просто директор Ксандр). Скопом запущенные в аудиторию, адепты первым делом бросились к столу с билетами. Переговаривали, охали, хватались за сердце, закатывали глаза, пытались как-то

пометить наиболее выученные или хотя бы запомнить их расположение. Магистры только посмеивались, не делая замечаний.

Но вот, постукивая толстым ясеневым посохом, в аудиторию вошел Учитель. Посохи остальных членов комиссии мирно стояли за их креслами – они были не более чем символами, такими же, как мантии и высокие колпаки, надеваемые в особо торжественных случаях. Повсюду таскать за собой тяжеленный, инкрустированный серебром и камнями посох, даже обладающий магической силой, не стал бы самый выносливый маг. Если уж практики и пользовались дополнительными источниками силы, то предпочитали браслеты, медальоны или кольца.

Разговоры и шум тут же утихли, мы с ужасом вспомнили, что пришли на Государственный Экзамен по Магии, а комиссия неохотно расселась по местам, готовая выслушать и оценить наши скудные знания.

Первым делом Учитель отобрал у Важека шпаргалки. Потом сделал мне замечание:

– Вольха, прекрати клацать зубами! Мне страшно находиться с тобой в одной аудитории. Я послушно стиснула челюсти. Зубы перестали клацать, задрожали ноги.

Учитель глянул на стол с билетами, сдвинул брови. Все пометки, царапины, загнутые углы исчезли, как платяные складки под раскаленным утюгом. Енька, и без того бледностью напоминавший покойника, пошел пятнами, смахивавшими на трупные. Я вздохнула, сообразив, что под вторым слева билетом в третьем ряду уже нет трех законов некромантии, теоремы Лупина-Бабкина и задачи на дематериализацию.

Удовлетворенно погладив бороду, Учитель широким жестом предложил нам тянуть билеты.

Так я и думала! Тринадцатый! Везет мне на это число, за десять лет и сорок экзаменов я вытянула ровно дюжину тринадцатых билетов! Назвав секретарше бросившийся в глаза номер, я, больше не глядя на билет, села на вторую парту в среднем ряду. Взяла из стопки несколько чистых листов с казенными печатями по углам, сняла крышечку с чернильницы, проверила на ногте перо. И лишь тогда прочитала вопросы. Ура! Первый вопрос я знала назубок, второй поддавался вспоминанию, а третьим оказалась та самая распроклятая история развития магии. Естественно, половину дат я успела забыть напрочь, но первые в списке, благодаря Лену, так и стояли у меня перед глазами. Я быстренько перенесла их на бумагу, чтобы не растерять к моменту ответа.

Учитель встал и прошелся между рядами, беззастенчиво заглядывая в парты в поисках конспектов. Отобрал у Важека копию шпаргалки. Постоял надо мною, вглядываясь в беспорядочные каракули. Я привычно закрыла свою писанину рукой, – сколько Учитель ни ругался, я так и не смогла избавиться от этого машинального жеста. Не люблю, когда мне смотрят через плечо. На сей раз Учитель смолчал и пошел дальше.

Я огляделась по сторонам. Енька, сопя, чертил на листе схему самолетной метлы. Важек увлеченно списывал с копии копии шпаргалки.

Патологическая страсть Важека к списыванию не поддавалась объяснению. Выучив конспект наизусть, перечитав кучу основной литературы и пересмотрев гору дополнительной, он не мог удержаться от искушения исписать малюсенькие клочки бумаги одному ему понятными пиктограммами. Почти всегда его ловили, заставляли тянуть второй билет и отвечать без подготовки. Важек неизменно отвечал с блеском, безмерно удивляя экзаменаторов.

Через полчаса чьи-то нервы не выдержали, и спотыкающаяся фигура неверными шагами достигла кафедр, комкая в потных ладонях исписанный с двух сторон лист.

– Б-б-билет 7. Т-теоретические и пра... практические основы телекинеза. – Заикаясь и облизывая пересохшие губы, адепт прочитал первый вопрос и устремил наполненные предсмертной мукой глаза куда-то в потолок.

Учитель ободряюще кивнул Вандеру, перевел взгляд с отвечающего на аудиторию и с вполне понятным негодованием обнаружил лишь брошенные листы и перья. Все adeпты дружно нырнули под парты.

– Э-т-то еще что такое?! – гневно пророкотал он, стукнув посохом. – Немедленно вылезайте оттуда! Родомир, Крениан, посмотрите-ка на это безобразие!

Учитель оглянулся и вздрогнул от неожиданности. Над столами приемной комиссии сиротливо посверкивали наверху магистерских посохов.

Неспособность Вандера к практической магии была притчей во языцах. Вся группа списывала у него домашние задания, но, когда от Вандера требовали немедленных действий у доски, adeпт терялся, нервничал и путал простейшие заклинания, представляя немалую угрозу для общества.

Учитель недовольно покачал головой, но я заметила, как он незаметно шевельнул концом посоха, создавая невидимый экран Грюнделя – рассеиватель заклинаний.

– Можно водички? – жалобно попросил adeпт, подбираясь к практической части вопроса.

– Налейте воду в стакан с помощью телекинеза. Пусть это и будет вашим ответом, – посоветовал Учитель, крепче стискивая руками посох.

Вандер кивнул, наморщил лоб и уставился на графин.

Для начала вода вскипела.

Aдепт сосредоточился. Кипение прекратилось, вокруг графина намерзла корка льда. Почти тут же хрусталь разорвало, ледяная копия осталась стоять на столе, а вокруг нее в беззвучном вальсе закружилось облако стеклянной крошки.

– Достаточно, – торопливо вмешался Учитель, – следующий вопрос!

Осколки со звоном посыпались на пол. Невозмутимая секретарша унесла ледяной графин и вытерла натекшую с него лужу. Экзамен продолжался. На наше счастье, практических вопросов Вандеру больше не попало, и он, безмерно довольный окончанием экзаменационного кошмара, вприпрыжку выскочил из аудитории, хлопнув дверью.

Мы завистливо вздохнули. Я решила не тянуть с приговором и заняла опустевший стул перед кафедрой. Учитель бегло просмотрел билет, кивнул и выжидательно устремил на меня суровый взгляд из-под грозно сдвинутых бровей. На первом курсе у меня бы отнялся язык, на пятом – задрожал голос, на десятом я без колебаний ответила ему тем же. Комиссия поперхнулась плохо скрываемыми смешками, Учитель досадливо постучал костяшкой указательного пальца по столу, призывая к порядку.

Пока я отвечала на первый вопрос, архимаг не перебивал и, кажется, вовсе не слушал, изучая разложенные перед ним ведомости, и лишь изредка кивал, чтобы я не думала, будто обо мне забыли.

– Ну хорошо, – наконец сказал он, – вижу, в теории левитации ты разбираешься. Что там у тебя вторым вопросом? Психосоматическая блокада? Очень хорошо. Опустим принципы и характеристику, их любая третьекурсница знает, переходи сразу к практике. На мне.

На нем?! Заставить архимага заживо окоченеть подобно трупу, причем тот наверняка пустит в ход контрзаклинание, а то и «зеркало», отражающее чары на саму заклинательницу?

Я облизала разом пересохшие губы, живо представив, как мое онемевшее тело выносят из аудитории вместе со стулом и ставят под фикусом. Комиссия, заинтересовавшись, вынырнула из легкой бдительной дремоты, в которой Магистры привычно переждали экзамен. Поговаривали, будто Магистр Верогор с кафедры Травников наловчился даже спать с открытыми глазами, одобрительно похрапывая на особенно долгих и нудных ответах.

Легче всего использовать для блокады универсальное заклятие Миртона, и его же не составляет особого труда отклонить в сторону. Можно попробовать пластическую формулу с семью переменными, основанную на магии стихий, но это заклинание самое капризное и непредсказуемое, требует досконального знания противника. Я испытующе посмотрела

на Учителя, прикидывая, какие слабые места могут быть в его защите. Проще всего наколдовать себе увесистый ломик и зайти сзади...

Есть еще одно очень хорошее и мощное заклинание... слишком мощное даже для опытного мага. Выплетается долго и тщательно, зато позволяет вкладывать силы по частям, а не одним импульсом в конце. Очень удобная вещь, когда есть время восстановить магический резерв: сплел первую часть, отдохнул, сплел вторую – активировал и пустил в ход. Но вряд ли комиссия будет ждать сутки или пока я сбегаю к ближайшему источнику силы...

А если предположить, что «зеркало» Учитель уже заготовил и оно висит между нами, ожидая моего ответа? Скорее всего, оно настроено на отражение прямого удара и незаконченное заклинание пропустит. А то, пройдя сквозь «зеркало», утянет его за собой и тем самым достроится.

Но если «зеркала» нет, не миновать мне осенней переэкзаменовки...

Я соединила кончики заметно дрожащих пальцев классической сферой, делая вид, что остановилась на Миртоне – огромный соблазн для противника поставить «зеркало», сама же мрачно, абсолютно не веря в успех, произнесла про себя совсем иные слова и на всякий случай закрыла глаза, чтобы не видеть своего позора.

Заклинание ушло, отката я не почувствовала – либо сработало, либо так и не достроилось. Ко мне, по крайней мере, не вернулось. Прошла одна томительно-бесконечная секунда. Вторая. Я рискнула приоткрыть один глаз. Учитель все с тем же испытующим прищуром смотрел на меня, чуть подавшись вперед.

Сидевший рядом Алмит недоверчиво протянул руку и помахал ею у Учителя перед носом.

Мне стало как-то не по себе. Адепты, ловя момент, бросились списывать напропалую. Важек торжественно выудил из-за уха крохотный комочек бумаги, мгновенно разросшийся в полупудовый фолиант «Теория и практика работы с пространством», разложил его на коленях, и тот сам собой замельтешил страницами, остановившись на главе «Манипуляции размерами».

Магистры выждали для приличия пару минут, но ничего не изменилось, разве что шума в аудитории стало побольше – адепты торопливо обменивались знаниями.

– Вольха, дополнительный вопрос, – откашлявшись, сказал Крениан, – как у тебя насчет снятия психосоматической блокады?

Я жалобно посмотрела на магистра, запоздало вспомнив, что развеять наложенное мною заклятие может только сам заклинатель либо его жертва, причем у меня сил не осталось вовсе, а Учитель по каким-то причинам не торопился пускать в ход свое умение.

– Ну, сбегай в актовый зал к источнику, только быстро, – разрешил прозорливый Алмит.

Впопыхах опрокинув стул, я подорвалась с места и стрелой вылетела за дверь. На восстановление резерва у меня ушло минут пятнадцать, и к моему возвращению экзаменационная аудитория больше походила на библиотеку – на всех партах кучно и россыпью лежала вспомогательная литература, из висящего перед Темаром хрустального куба доносился чей-то гнусавый голос, диктующий восемнадцать отличий упыря от вурдалака. Комиссии было не до адептов – столпившись вокруг Учителя, они безуспешно пытались определить, что и как я с ним сделала. При виде меня магистры торопливо расселись по местам, со смущенным уважением покашливая в кулаки.

Сняв блокаду, я виновато сжалась в комок, ожидая грома и молний, но Учитель как ни в чем не бывало одобрительно хмыкнул, небрежно черкнул в ведомости и позволил себе небольшой перерыв, на пару минут выйдя из аудитории. Вопрос по истории развития магии принял на себя Алмит, прочие магистры согласно задремали.

– Так в каком же году безвременно почил многоуважаемый архимаг Капуций? – вкрадчиво поинтересовался бывший аспирант, улыбаясь в бороду.

Отлично понимая, что на тройку я уже наработала, да ниже Алмит и не поставит – слишком свежи в памяти его собственные мытарства на госэкзамене, я растеряла остатки страха и, даже не попытавшись вспомнить, нахально предположила:

– В 341 году.

– А почему так не радостно? – полюбопытствовал магистр.

– Чему тут радоваться...

– Да уж. В 341 году архимаг был мертв неполных два столетия, – искренне посочувствовал магистр.

– Так почил-то безвременно... Откуда вы знаете, сколько бы он еще прожил?

Алмит только вздохнул, тоскливо глядя в окно, перед которым выпускал мохнатые свечи побегов старый каштан. На улице щебетали птицы, ярко светило солнце, а историю развития магии Алмит и сам толком не помнил.

Магистр с явным отвращением вернулся к экзамену.

– Вольха, последний вопрос... соберись, от него зависит твоя оценка.

Я недоверчиво глянула на преподавателя, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Итак, вопрос... Что тебе поставить?

– Пятерку! – радостно выпалила я.

Алмит вздохнул и подписал свою ведомость. Всего ведомостей было четыре, по числу членов комиссии, и что поставили мне прочие магистры, оставалось загадкой до начала выпускного вечера.

Но никто не сомневался, что экзамен я сдала.

Глава 3

К вечеру вся Школа знала, что я заколдовала Учителя. Версий было три: либо он поддался, либо притворился, чтобы натянуть оценку любимой ученице, либо мне и вправду крупно повезло. Впрочем, прецеденты уже были – в позапрошлом году кто-то вырастил экзаменатору рога, да так успешно, что их пришлось пилить вручную; на памяти Алмита, любителя мрачных баек из жизни, невесть куда сгинула целая комиссия и нашлась только через неделю, причем где ее носило, она так и не призналась; но никому еще не удавалось посадить в лужу нашего Учителя.

К ужину я не вышла – вернувшись в комнату, тут же повалилась на кровать и заснула мертвым сном. Велька попыталась меня растолкать, но, по ее словам, легче было воскресить покойника, а уж она-то знала в этом толк. По Школе немедленно поползли слухи один другого ужасней; никто не сомневался, что я пала жертвой мести Учителя. Дальше мнения разделились: кто-то отправил меня в долгосрочную ссылку, кто-то исключил без права восстановления; самые добросердечные заперли в карцере с кухонным ножом и мешком нечищенной картошки. Особенно отличилась одна из Пифий (как позже выяснилось, экзамен она провалила с треском) – дескать, внутреннее око помогло ей узреть мой холодный труп, тайно прикопанный под каштаном.

Наутро я проснулась с тяжелой и вместе с тем пустой головой, словно наспех уложенные в нее знания с чистой совестью покинули неуютную обитель сразу после экзамена. Вельки в комнате не было, в щель под дверью веяло то вареной крапивой, то трупным ядом, отчего мне сразу захотелось есть. Конечно, ни того, ни другого я бы в рот не взяла, но так обычно пахло из нашего холодильного шкафа, где помимо продуктов хранились Велькины зелья и мои домашние задания по некромантии.

Увы, шкаф не оправдал моих ожиданий – то ли Велька села на очередную диету, специально приурочив ее к отсутствию моего здорового аппетита, то ли, напротив, так усиленно набиралась сил, что выбрала все до крошки. В довершение всех бед школьную столовую закрыли до вечера, готовясь к выпускному пиру. Никто, кроме меня, по этому поводу не переживал, в Школе стояла непривычная тишина: младшие классы разъехались на каникулы, Пифии и Практики со вчерашнего вечера отмечали сдачу экзамена. Травникам же было не до того – из экзаменационной аудитории никто пока не вышел.

Я пораскинула голодными мозгами и решила позавтракать в «Ретивом бычке». Взбодрившись пригоршней воды, я оделась, зачаровала дверь, нацарапала в нижнем углу косяка ключ-руну для Вельки и, посвистывая, сбегала по лестнице на второй этаж. Но там меня поджидала засада. Учитель вынырнул из-за угла так неожиданно и бесшумно, что я едва удержалась от бесогонного экзорцизма. Отделаться простым «здравствуйте» не удалось, Учитель с присущей ему прямолинейностью цапнул меня за руку, не дав проскочить мимо:

– Вольха! Тебя-то мне и надо! Идем ко мне в кабинет.

Не успев возразить, я покорно поплелась следом за ним – вернее, за своей натянутой рукой. Амулет Лёна, защищающий от недозволенного чтения мыслей, висел у меня на шее, поднаторевший в телепатии Учитель в таковом не нуждался, и мы взаимно изнывали от любопытства – что ему понадобилось?! Как она сподобилась?!

Но, как ни странно, речь пошла вовсе не об экзамене. По крайней мере сначала. Захлопнув дверь кабинета, маг кивнул мне на один из стульев, сам же прошел за стол, но садиться не стал. Встал рядом, опершись руками о потертую дубовую столешницу, и проникновенным, отеческим голосом, от которого меня мороз подрал по коже, осведомился:

– Ты уже задумывалась о своем будущем?

Я вежливо изобразила усиленную работу мысли, но преуспела лишь в жутковатом перекосе лица.

– Не паясничай, – одернул меня Учитель, привычно сдвинув брови. – Твое обучение закончено. Осталась стажировка. Где ты собираешься ее проходить?

– В Догеве, конечно! – удивилась я, озаботившись по-настоящему.

– И не мечтай, – отрезал маг.

– Это еще почему? – Я возмущенно подорвалась со стула и припечатила стол ладонями с противоположной стороны. – Разве вы не получили догевский запрос на молодого специалиста?

Учитель заметно смутился, но глаз не отвел:

– Заявки, поданные иными государствами, рассматриваются Школой в последнюю очередь и только при отсутствии внутренних вакансий.

– Зато для меня они имеют первоочередное значение! – не сдавалась я, в запале стукнув по столу кулаком. – А что? Неужели нашлись еще желающие на мои специфические услуги?

– При дворе открылась вакансия, – коротко пояснил Учитель.

– При каком еще дворе?

– При королевском, разумеется. – Маг убрал руки со стола, опасаясь, как бы следующий удар не пришелся по его ладони. – Дорост ушел на пенсию, королю требуется новый маг.

– Ну и что?

– Я рекомендовал тебя.

– Зачем? – тоскливо спросила я, подумав, что до сих пор рекомендации Учителя играли исключительно против меня.

– Не задавай глупых вопросов. Ты – лучшая выпускница, единственная женщина на факультете Практической Магии... и довольно привлекательная, – смущенно кашлянул и тут же посерьезнел Учитель. – По-моему, просто идеальная кандидатура.

– Не менее идеальная и для Догевы. К тому же, в отличие от короля, Лёна моя «привлекательность» интересует в последнюю очередь.

– Ты так уверена? – саркастически поинтересовался Учитель и тут же дал волю праведному гневу. – Дурацкие бредни! Нормальных баб хлебом не корми, дай пофасонить при дворе, а она нос воротит! Ну какие у тебя перспективы в Догеве? Главное в нашем ремесле – создать определенную репутацию. Если магичка, нанимаясь на работу, эдак небрежно бросит: «Когда я практиковала при дворе...», работодатель подскочит от восторга. Соответственно подскочит и гонорар. А теперь представь, что в твоём трудовом свитке первым номером стоит Догева. Скажи спасибо, если отделаешься пинком под зад, а то и на кол могут посадить!

– А почему, собственно говоря, я должна искать работу, если в Догеве меня ждет постоянное место?

Учитель уставился на меня с неподдельным изумлением и ужасом:

– И ты согласна провести остаток жизни в вампирьем логове?

– Лучше их логово, чем ваш королевский двор! – вскипела я. – Сплетни, интриги, дешевые фокусы и верные яды без рецептика по его высочайшему повелению! Где приключения, которые войдут в легенды, верные друзья, знакомством с которыми можно гордиться, подвиги, о которых не стыдно рассказать детям?! Да лучше я на тракте мечом махать буду!

– Да вляпывайся в подвиги сколько хочешь! – возопил Учитель, внезапным броском отвоеывая стол. Я едва успела отпрянуть назад. – Только стажировку пройди, создай себе тыл, какую-то опору в жизни, чтобы, возвращаясь с подбитым глазом, было куда возвращаться! Чтобы не оказаться у разбитого корыта, очертя голову кинувшись за миражом! Поработай придворной магичкой, приобрети имя, сбереги монету какую, домом обзаведись, а потом совершай подвиги на здоровье!

Надо признать, в его словах была доля горькой правды. Покидая Школу, я имела за душой диплом, двадцать кладней подъемных и лошадь, которая давалась в рассрочку.

– Лошадь без стажировки не получишь, – мстительно отрезал Учитель, верно рассчитав ход моих мыслей. – За нее казенные деньги плачены. Левитируй на метле, как последняя ведьма!

– Но это моя лошадь! – запротестовала я. Новую лошадь мне выделили год назад взамен сгинувшей в болотах Ромашки. Мышасто-серая Белка особыми достоинствами не блистала, но все лучше, чем ничего.

– Лошадь принадлежит Школе и дана тебе во временное пользование, заметь, *временное*! Ну подумай, чем плоха придворная жизнь? Почет, непыльная работенка, высокая зарплата, трехкомнатные покои по соседству с королевской опочивальней. Пройдешь стажировку и через каких-нибудь два года выкупишь свою Белку, а пока можешь...

– Два года спать по соседству с королем?! А вдруг он повадится стучать в мою дверь по ночам?

– А ты не открывай, – серьезно посоветовал Учитель. – Постучит-постучит и уйдет.

– Уйдет он, как же! Разве что за стражниками с тараном!

Я негодовала по вполне понятной причине. Третьим бедствием Белории после традиционных дураков и дорог был ее король Наум, взошедший на трон каких-то семь лет назад и за это время успевший снискать редкостную нелюбовь всего белорского народа. Народ Науму, на его счастье, попался удивительно терпеливый и снисходительный, относясь ко всем проискам монарха как к неизбежному злу. В любом другом королевстве его давно бы отравили или, на худой конец, с позором выкинули из дворца. Едва утвердившись на троне, Наум начал свою трудовую биографию нападением на соседнее королевство – Винессу. Там ему тем более не обрадовались и дали достойный отпор. Откупившись солидным куском пограничных земель, Наум пригорюнился и повысил налоги, чтобы компенсировать потерю доходов от медных рудников (отошедших к Винессе вместе с землями). Простой люд, которому, в общем-то, все равно на кого пахать, сравнил прожиточный минимум Белории и Винессы, склонился в пользу последней и, сложив на телеги нехитрый скарб, начал потихоньку эмигрировать в Винессу, благо места там теперь хватало.

Король торопливо понизил налоги, но стало еще хуже – не зная, чего ожидать от непредсказуемого монарха и по привычке ожидая худшего, селяне повалили в Винессу целыми толпами. Экономика зашаталась, но, на счастье Наума, Стармин наводнили беженцы из Атрии, небольшого северного королевства, где на троне восседал не менее бестолковый самодержец. Не успели они обжиться на новом месте, как уверовавший в себя Наум снова повысил налоги, и беженцы незамедлительно последовали за коренным населением. Помимо того, Наум ввел денежную реформу (вдвое обесценившую белорский кладень), принял закон о храмовых землях (с благословения Всерадетеля, главного священнослужителя Белории, Науму объявили всеобщую анафему, провозглашаемую трижды в день во всех храмах), ввел и сразу отменил право первой брачной ночи (из-за катастрофического роста венерических заболеваний), измыслил дополнительный налог на лошадей (несчастных животных охватила эпидемия), а также совершил множество прочих, не менее славных деяний, повергших светлые умы Стармина в глубокое уныние.

Я красочно изложила Учителю честное мнение о работодателе и тут же испытала на себе все прелести психосоматической блокады. Я пальцем не могла шевельнуть, а Учитель бегал по комнате, возмущенно развевая бородой, и воздевал руки к потолку, словно призывая Высший Разум полюбоваться моей глупостью, – дескать, не может быть для магии большего счастья, чем обретаться при дворе и исполнять королевские прихоти.

– Когда ты доживешь до моих лет, то поймешь, что я желал тебе только добра!

– А если не доживу? – Мне потребовалось всего несколько секунд на деактивацию заклинания, чего Учитель никак не ожидал: осекся на полуслове и недоуменно повернулся ко мне.

– Ты так быстро справились с нейтрализацией?!

Я пристыжено кивнула.

– Но это... великолепно!

Я мрачно смотрела на Учителя, не разделяя его восторга. Чтоб ему провалиться, диплому с отличием. Будь я заурядной троечницей, уже ехала бы в Догеву, а весь педагогический состав рыдал от радости – хвала богам, избавились наконец! Так нет же, нашему самодержцу подавай товар первого сорта!

– Целых два года! – не могла успокоиться я. – Лучшие годы жизни – королю под хвост!

– Потому и лучшие, что обеспеченные, – с фальшивым оптимизмом заверил меня архимаг. – Не будет стажировки – не будет записи в дипломе. Не будет записи в дипломе – не сможешь официально считаться магичкой. С догевской записью – тем более.

– А нельзя ли как-нибудь сократить срок? Хотя бы до одного года?

– Поздно. Школа в моем лице заключила с королем контракт. Он не может быть разорван тобою.

– А вами?

Он назвал сумму неустойки. Я уважительно присвистнула. Сомнительно, что мне удастся скопить эдакие деньжищи и за пять лет подобной службы. Тем более я слышала, что честный труд оплачивается во дворце из рук вон плохо, а брать взятки за вовремя закрытые глаза мне претило.

– И когда я должна приступить к этой, прошу прощения, работе?

– С завтрашнего дня.

– Что?! – возопила я еще горестней. – А выпускной вечер?!

– Вечер же сегодня, – недоуменно сдвинул брови Учитель.

– Вот именно! А завтра будет выпускное утро!

Старый маг осуждающе покачал головой:

– Тебе что важнее – гулянка или первая настоящая работа?

– Я этой гулянки десять лет ждала! Я, может, только ради нее в Школу и поступала!

– Вот что, глупая девчонка, иди-ка ты отсюда, пока я тебя снова в первоклашку не превратил, а то и в кого похуже, – устало сказал Учитель. – Раньше надо было думать. Лекции пропускать, учиться на двойки. А теперь будь добра соответствовать званию дипломированного специалиста.

Я злобно развернулась на каблуках и почти побежала к выходу. Еще неизвестно, кто кого превратит! Эх, поспешила я с блокадой; стоять бы Учителю в музее рядом с чучелами, пылью обрастать, первокурсниц бы к нему на экскурсию водили...

– Да, еще...

Я остановилась в дверях, слишком сердитая, чтобы оглядываться.

– Насчет экзамена – я поставил тебе «отлично». Молодец. Вот уж не ожидал – с твоим-то неприятием легких путей и напрашивающихся решений! – Учитель одобрительно хмыкнул. – Я был уверен, что ты не воспользуешься Миртоном. Даже зеркала не заготовил. А зря, как оказалось.

Прежде чем я успела осмыслить это заявление, дверь захлопнулась, наподдав мне по ягодицам.

Выпускной вечер был безнадежно испорчен. Не радовала ни еда, ни впервые разрешенный хмель, ни новое серебристо-синее шелковое платье, сшитое догевскими портнихами, – прощальный подарок Лёна, повергнувший в черную зависть добрую половину выпускниц (наверное, эта половина была недостаточно доброй). Вдохновенная и возвышенная речь Учи-

теля, расписывающего прелести ожидающего нас трудового пути, не вызвала у меня ожидаемого энтузиазма. Воздержавшись от аплодисментов – потолок актового зала и так грозил рухнуть – я тихонько выскользнула на улицу. Стянула намозолившие туфли, прошлась голыми пятками по теплой земле, постояла у ограды, любуясь звездами и уходящей вдаль дорогой, тускло светящейся под луной.

– Грустиш-ш-шь, малыш-ш-шка? – сочувственно прошипело за спиной.

Надо мной нависла черная гора с мерцающими змеиными глазами. Дракон шевельнул кончиком хвоста, подсекая мне колени. Рассмеявшись, я шлепнулась на скользкую чешую, ухватилась за пластины склоненного набок гребня.

– Грущу?! Да я пылаю праведным гневом! Смотри, как бы у тебя хвост не расплавился!

Огнеупорный дракон только фыркнул, пристраивая голову рядом со мной. Я протянула руку и почесала мякенькую, мелкую вязь серебристых чешуек на драконьем подбородке. Рычарг довольно прижмурился.

– Вс-с-е ус-сстроится, малыш-ш-ш-ка... Что такое два года? Пус-с-стяк, ос-с-обенно для вампиров и магов. Вернеш-ш-шся ты в с-с-вою Догеву, куда она от тебя не денется...

– Если бы все было так просто! – Я вздохнула, беззастенчиво используя драконий хвост уже в качестве кушетки. – После Догевы во мне что-то сломалось, Рычарг. Зимой сидишь в комнате и думаешь: как хорошо тут, у очага, как приятно понежиться под одеялом, поболтать с подружками, прогуляться по рынку, купить что-нибудь вкусненькое... А летом хочется бежать из дома куда глаза глядят – отмахать десяток верст по пустынной дороге, посидеть на берегу озера, послушать шелест волн, вздремнуть на опушке леса... И меня совершенно не волнуют ни моя репутация, ни будущее, ни сомнительные тылы в виде дворцов. Я хочу просто идти вперед. Все равно – куда. Все равно – зачем. Лишь бы вперед. Вернуться в Догеву? Да! Но еще больше я хочу туда *возвращаться*. Возвращаться и снова уходить. А впрочем, я сама толком не знаю, чего я хочу. Наверное, это меня и тревожит...

– Ты знаеш-ш-шь, – спокойно прошипел дракон, не размыкая век, – ты с-с-сама вс-с-се прекрас-с-сно обьяс-с-снила. Прос-с-сто пока не с-с-смирилась.

– С чем? – настороженно спросила я.

Дракон усмехнулся. Во тьме засветились две лукавые щелочки.

– У тебя крас-с-сивые глаза, – проворчал он, – с-с-слишком крас-с-сивые... Не бес-с-покойся, девочка, вс-с-се будет в порядке. Из тебя выйдет прекрас-с-сный маг-практик...

– Практик, как же... – раздосадовано протянула я. – Да за два года я все навыки растеряю, упыря от зомби не отличу, кому я такая нужна буду?! Самая распоследняя ведьма погнушалась бы такой «непыльной» работенкой... Ведьма... Ведьма!!! Живем, Рычарг!

Глава 4

Это был очень важный прием. От него зависела моя дальнейшая судьба. Ничего удивительного, что я начала готовиться к нему с вечера – смочила волосы пивом, но не стала ни расчесывать, ни заплетать в косички. К утру они вздыбились жутким колтуном, скошенным влево; самая трудолюбивая корова не сумела бы зализать их до такого состояния.

На макияж (желто-серая пудра, черная помада и фиолетовые тени) ушло около часа, но я добилась-таки нездорового, трупного оттенка кожи.

Поиски подходящего к случаю костюма затянулись надолго. К счастью, у Вельки так и не дошли руки выбросить старую серую кофту, рваную и выпачканную сажей – мы прочищали ею дымоход, намотав на швабру. Вместо юбки сгодилась половая тряпка, подпоясанная веревочкой. На шею я повесила ожерелье из сушеных майских жуков (выпросила у ребят с факультета Травников), за неимением браслета нанизала на нитку мышиные черепа, а на шею кокетливо повязала набивное чучело гадюки.

Потом я посмотрелась в зеркало. Чародейки обычно возмущаются, когда их называют ведьмами, но я в моем теперешнем облике сочла бы это за комплимент. Из меня получилась до того омерзительная ведьма, что кот, дремавший на кресле, взъерошился и удрал под кровать. Мне пришлось буквально на коленях упрашивать его быть моим ассистентом. Ибо какая же ведьма без кота? Кот соглашался, что ведьма я никакая и мое общество может пагубно отразиться на его репутации порядочного крысолова. Недолго думая, я ухватила Барсика за раздраженно виляющий хвост, дернула, и кот глубоко полоснул меня четырьмя лапами сразу.

Посасывая руку и шепотом костеря несговорчивую зверюгу, я выудила из холодильного шкафа вчерашнюю отбивную и помахала ею у кота перед носом. Барсик принялся, алчно облизнулся, но с места не тронулся. Задумчиво прожевав отвергнутый продукт, я вспомнила о телекинезе, и через несколько секунд кот оказался в моих руках. Сказать, что он сдался без боя, было бы неуважением по отношению к такому славному бойцу, как наш Барсик.

Мой триумфальный выход из Школы не остался незамеченным – у ворот стоял Алмит, битый час безуспешно объяснявший роскошно одетой даме с упитанным ребенком, что ее дитя, несомненно, обладает всеми мыслимыми и немыслимыми талантами, кроме магического, а посему не может быть принято в Школу даже на платной основе. При виде ведьмы спор прекратился сам собой.

– Кто это? – потрясение спросила дама, на всякий случай прижимая к себе гениальное дитя.

– Наша лучшая выпускница, – не менее ошеломленно брякнул Алмит.

Я натянуто улыбнулась, показав вычерненные углем зубы.

Дама, не попрощавшись, подхватила ребенка на руки и бросилась наутек от сомнительных прелестей магического образования.

К дворцу я шла пешком и босиком, не слишком старательно обходя лужи. Зажатый под мышкой кот безнадежно выл на одной ноте. Редкие утренние прохожие шарахались в переулки, не решаясь разминуться с ведьмой по другой стороне узкой мостовой.

Не обрадовались мне и стражники. Скрестив дрожащие копыя, они заискивающе поинтересовались целью визита. Я протянула им выписанное Учителем направление и, входя в роль, зловеще проскрежетала что-то себе под нос, потирая ладони. Копья не просто разошлись – метнулись в стороны. Под опущенными забралами гулко клацали зубы.

Я подросла как раз к завтраку – по дороге к трапезному залу мне попала только парочка служанок, одна из которых картинно упала в обморок, а вторая поспешила спрятаться

за gobеленом. Вытканное на нем море реалистично взволновалось, кораблик взлетел на гребень волны. У дверей в зал тоже стояла стража, но я, не останавливаясь, взглядом распахнула двери и прошествовала мимо остолбеневших караульных.

Его величество восседал во главе стола на помеси стула с тронem – высокая, роскошная спинка с россыпью сапфиров по краю и довольно простенькое сиденье, даже без подлокотников. Маленькие Наумовы глазки сально шурились, высокая корона успешно маскировала плешь с начесанными с боков волосами. Алая, в золотых лилиях, мантия свесилась на пол. Тяжелая, наверно, бархатная. Сзади, по обе стороны царского седалища, стояли фаворитки – блондинка и жгучая брюнетка, нежно улыбавшиеся Наумовому затылку. Я сначала решила, что их ограбили на большой дороге, но потом поняла, что практическое отсутствие материи на соблазнительных телесах – нормальное явление. Материи не просто было мало. Она, по-видимому, сползла, прикрывая абсолютно неинтересные части тела, а то, что прикрывают на пляже, было выставлено на всеобщее обозрение за вычетом пары клочков и трех веревочек. Слева от короля, поджав губки, – невероятно прямо, словно посаженная на кол, – сидела королева Вероника, законная супруга Наума, девица кукольной красоты. Светлый кучерявый парик венчала сапфировая диадема. Невыразительные голубые глаза равнодушно скользили по хитрым лицам придворных, выстроившихся вдоль стен в ожидании сигнала к началу пиршества. На руках у ее величества дремал серебристо-серый мопсик со сморщенной лупоглазой мордочкой. Вернее, мопсик дремал, пока я не вошла. Тут уж ему стало не до сновидений. Рванувшись из рук, песик жабой плюхнулся на пол и укрылся под стулом Наума, задрапированным свисающей мантией.

Брови короля поднимались, как разводной мост, пока не приняли практически вертикальное положение. Шушуканье придворных стихло.

Я сделала кривой реверанс. Кот инстинктивно впился когтями в плечо, и я трудом удержалась от нецензурного вопля, горько пожалев, что не подыскала менее тяжеловесного спутника – скажем, грача. Грачи тоже неплохо смотрятся на плечах у ведьм, их часто принимают за воронов (те гораздо крупнее), а хриплое унылое карканье добавляет имиджу зловещей таинственности. К сожалению, при моем приближении не только грачи, но и куда более морально устойчивые галки разлетались с воплями и не оглядываясь.

Кот решил реабилитироваться, раззявил зубастую пасть и гнусаво мяукнул. Придворные со стоном отшатнулись, королева Вероника заслонила веером. («Все-таки кот – тоже ничего», – злорадно подумала я.) Высказавшись, Барсик спрыгнул на пол и важно продефилировал к столу. Люди торопливо расступались, давая ему дорогу. Из-под стула боязливо зарычал мопсик. Постояв у трона и посветив на Наума глазами, кот легко взвился на стол и с урчанием вцепился зубами в крыло огромного печеного гуся.

– Ну здрасте, ваш-личество, – сказала я, почесав затылок и внимательно оглядев желтые накладные ногти. Обнаружив, что там что-то застряло, я сощелкнула пойманное на пол (шаровая молния, пущенная накатом, не произвела бы большего эффекта), вальяжно отодвинула стул (с которого спешно бежал первый министр), плюхнулась рядом с королем, закинула ногу за ногу и ущипнула фаворитку. Закаленная придворной жизнью, блондинка, не пискнув, страдальчески закусила губки.

– Я тут... это... с шабаша маленько... Мутит меня, – пояснила я, ударом кулака по днищу раскупоривая ближайшую бутылку. Вино оказалось сладким и крепким. Икнув, я наклонилась к королю и щедро наполнила его кубок из отпитой бутылки. – Ну что, ваше величество, выпьем за плодотворное сотрудничество? В наше время королю без мага ну никак, всюду враги!

Размашисто чокнувшись бутылкой о кубок – вино плеснуло на стол и тонкой струйкой потекло королю на колени – я отпила еще немного, демонстративно побулькав воздухом в горлышке. Кот сосредоточенно давился гусем, издавая хрипящие и хрустящие звуки.

– Ну, кто тут нас не уважает? – Я обвела придворных пронзительным взглядом, потом с трех вершков уставилась в глаза Науму. Король честно попытался изобразить безграничное уважение и искреннюю радость от моего присутствия на трапезе. Я подумала – не потрепать ли мне по щечке королеву, но решила не перегибать палку. С женщинами, как известно, лучше не связываться, ее не волнует – сумеют ли десять стражников по королевскому приказу поднять на пики нахальную ведьму, прежде чем она превратит их в лягушек и тараканов. Я-то знала: еще как сумеют, но трусоватый король не хотел рисковать своей венценосной головешкой, равно как и портить отношения с Ковеном Магов.

Но тут я заметила, что под веером королевы подрагивает улыбка. Ее высочество прекрасно разобралась в ситуации и теперь злорадно упивалась замешательством благоверного (по слухам – не слишком благоверного; можно даже сказать, блоневверного). Вероника подмигнула мне и еще глубже уткнулась в веер.

С трудом подавив ответное моргание, я как дипломированная ведьма попыталась произвести на короля как можно более «благоприятное» впечатление:

– У меня есть дивные яды, – громоподобно прошептала я в оттопыренное монаршее ухо, – мгновенные и замедленного действия. Одна капля – и спустя месяц ваш ничего не подозревающий враг скончается в жутких конвульсиях...

Придворные оживились. Кое-кто начал выразительно перемигиваться с соседями, некоторые побледнели и закашлялись, отодвигая кубки.

Король заметно пригорюнился. На помощь ему пришел министр обороны, горевший желанием записать мага-практика в ряды бравых защитников отечества:

– Скажите, Вольха, у вас есть опыт работы по специальности?

Я скромно потупилась:

– Да так, по мелочи: прикончила двух архимагов, разорвала на куски с полсотни зомби, уничтожила валдачий город и несколько месяцев стажировалась в Догеве.

– Д-д-догеве?! – Король залпом выхлебнул содержимое кубка. – А как же вампиры? Они вас не тронули?

– Что вы, – притворно возмутилась я, – они были сама доброта! Вам не следует придавать значение глупой сплетне, будто с тех пор я иногда брожу по ночам с окровавленным топором в руках. Лично я ничего такого не помню.

Министр побледнел и прекратил расспросы, задумавшись, нельзя ли как-нибудь пополнить мною гарнизон вероятного противника.

– А вы умеете готовить гламарию? – застенчиво прошептала хорошенькая девица на противоположном конце стола. Вот уж кто не нуждался в искусственных стимуляторах красоты, разве что она успела намазаться ими перед ужином.

– Конечно, – с достоинством ответила я, кокетливо поправляя «локон», – я сама ею регулярно пользуюсь.

– А предсказывать будущее? – брюзгливым голосом осведомилась сухопарая дама с крючковатым носом.

– По тухлым крысам, теплomu драконьему помету и человеческим внутренностям, в присутствии заказчика, – с готовностью перечислила я. – Могу также сварить приворотное зелье или эликсир молодости с гарантией восемьдесят процентов.

Престарелые сластолюбцы оживились.

– Двадцать – на летальный исход, – мстительно добавила я.

Заказов на любистоки так и не поступило. Больше меня ни о чем не спрашивали и, торопливо закончив так толком и не начатый завтрак, со всеми почестями выпроводили из дворца. Кота и того вынесли на бархатной подушке с кистями. Мне пришлось тащить его обратно на руках – ссаженный на землю, мерзавец горестно орал мне вслед, не трогаясь с места. Судя

по форме и размерам пуза, Барсик заглотнул гуся целиком и теперь с трудом доставал лапами до земли.

Вторично распугав прохожих, мы в обнимку с котом вернулись в Школу. Дракон долго и боязливо разглядывал нас из-за забора, потом узнал и с дымным воем ополз по стене. Проходя мимо, я мрачно погрозила ему кулаком, но бессовестный гад продолжал рыдать от смеха, катаясь по земле.

Сброшенный на кресло кот там же и уснул, храпя и подергивая задранными вверх лапами. Сорвав тряпки и швырнув их в радостно полыхнувший камин, я с наслаждением окунула голову в ведро с водой. Макушку обожгло холодом, зато проклятый колтун прекратил чесаться, а пудра – щипать кожу.

Только я успела высохнуть и уложить волосы, как меня вызвали к воротам, и королевский курьер под роспись вручил мне опутанный веревочками пакет с еще теплой печатью. У крыльца сбились в кучку перепуганные, только что принятые в Школу малыши, с открытыми ртами глазевшие на меня снизу вверх. Я криво улыбнулась и прошла мимо, с горечью ощутив себя гостьей в родном доме. Завтра в нашей комнате поселятся две незнакомые девочки, со стен исчезнут лубочные картинки (Велькина коллекция знаменитых магов-практиков, увековеченных в момент очередного подвига; по мне, все они были на одно лицо, причем какое-то перекошенное), со стульев – мои разбросанные вещи, а на столе воцарится возмутительный порядок. И, главное, не забыть бы выкинуть из холодильного шкафа голову кикиморы, иначе кто-нибудь из малышей останется зайкой на всю жизнь.

Я сломала печать, распотрошила пакет и злорадно хмыкнула. В конверте, помимо трудового свитка на гербовой бумаге, лежал мой диплом и десяток изумрудов размером с горошину – королевская неустойка. Я бегло просмотрела каллиграфическую вязь дворцового писца.

Первое место работы: Стармин, придворный маг. Работала с 7 по 8 траворода 1001 года. Нареканий не имела.

Конечно, не имела. Кто осмелится жаловаться на ведьму?

Самое смешное – я не солгала ни слова. Можно гадать на ромашках, а можно и на крысах. Да и любистоки разные бывают, я честно предложила самый действенный. Ну, не хотят – не надо. Пристроившись на краешке стола, я написала друзьям прощальную записку, положила сверху несколько изумрудов – по камешку на каждого. Велька, конечно, расстроится и обидится, но что поделать – расстроенный Учитель куда страшнее, а он узнает о «ведьме» с минуты на минуту.

Из вещей я отобрала только самое необходимое. Меч, выпускное платье, дорожную одежду и горсть памятных безделушек вроде наговоренной монетки, неизменно выпадавшей Наумом вверх, забавно перекрученного, связавшегося узелком дубового корешка (Велька уверяла, будто он отводит глаза нечисти) и прочих мелких амулетов. Защелкнула на запястье агатовый браслет-накопитель, набила сумку снадобьями в мешочках и склянках, без зазрения совести позаимствовав оные у подруги. Ничего, она еще засушит-наварит, а мне нескоро удастся пополнить запас. Маги-практики редко занимаются изготовлением эликсиров, обычно используют покупные.

Вышло две увесистые сумки, которые я отнесла на конюшню. Дракон вольготно разлегся у ее порога, встретив меня сочувственным хмыканьем:

– Не прис-с-сядешь на дорожку, выпуск-с-сница?

Я только вздохнула, перешагивая через хвост. Быстро взнуздала кобылу, навьючила и вывела во двор. Белка подозрительно покосилась на дракона, тот с сожалением облизнулся.

– Извини, но мне даже некогда толком попрощаться.

– Нас-с-стоящие друз-з-зья не нуждаются в проводах, – хмыкнул дракон, – они вс-с-егда с тобой, даже ес-с-сли не прос-с-ишь. Я не з-з-за тем приш-ш-шел. Глянь с-с-юда, малыш-ш-шка.

Я обернулась. На кончике протянутого ко мне когтя висело тонкое серебряное колечко ажурного плетения. Пляшущих по нему бликов было многовато для простого украшения.

– Артефакт или амулет? – деловито поинтересовалась я. Артефакт – предмет, необычный сам по себе, эдакий сгусток магии, исчезающий вместе с ней, заговорить же можно любую побрякушку – от комаров, насморка или сглаза. Как правило, одноразово.

– Не з-з-знаю, – задумчиво прошипел дракон, – предыдущий владелец не ус-с-спел мне это рас-с-ска-зять... с-с-собс-с-ственно говоря, он приходил не рас-с-сговаривать... ужас-с-сно невкус-с-сний оказался, м-да... Возьми, это тебе. Там рас-с-сбереш-ш-шься, что к чему.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, примеряя кольцо на средний палец. Оно показалось мне великоватым, но не спадало. Дракон одобрительно кивнул, подскочил и расправил крылья. Лошадь испуганно заржала, пятясь, я рукой прикрыла глаза от пыли.

– Удачи на тракте, ведьма! – крикнул Рычарг, по спирали набирая высоту. – Эге, да на ш-ш-школьные з-з-земли з-з-забрела чужая корова! Тряхнуть, что ли, с-с-стариной?

Осталось самое неприятное, но неизбежное. Оставив кобылу за воротами, я вернулась в Школу, взбежала по лестнице на второй этаж, рывком распахнула дверь.

– В чем дело? – поднял глаза Учитель, держа перо вертикально над чернильницей. На раздвоенном кончике набухла капля.

– Я покупаю лошадь, – с ходу выпалила я, разжимая кулак. Изумруды зелеными льдинками просыпались на стол, раскатились в стороны.

Перо выскользнуло из пальцев, забрызгав пергамент.

– Откуда у тебя деньги?

– Я продала свою хорошую репутацию, – безалаберно заявила я. – И сию секунду уезжаю в Догеvu.

– С ума девка сошла! Что произошло?

– Скоро узнаете, – пообещала я. – До свидания, Учитель. Я вас обожаю!

Прежде чем он успел опомниться, я бестолково чмокнула его в щеку, перегнувшись через стол, оттолкнула и убежала, хлопнув дверью.

– А неустойка?! – крикнул старый маг мне вслед, но возвращаться и объяснять, что неустойку выплатил король, не стоило. Учитель в гневе страшен.

Белка, оседланная и привязанная за школьной стеной, била копытом. Вряд ли мне удалось бы вывести ее из конюшни после «прощания» с Учителем. Осознавая важность момента, лошадь гарцевала, как необъезженная трехлетка. Хоп! Я в седле. Прощай, Стармин! Стой, паршивка, я еще не подобрала поводья!

Глава 5

Выехав за город, я придержала лошадь, вытащила из сумки карту Белории и задумчиво склонилась над тонкой вязью дорог, рек и селений. Торопиться в Догеvu не имело особого смысла. Переговоры с арлисскими послами могли затянуться на неделю, так что Лёну все равно пока будет не до меня.

Свернув карту, я неторопливо потрусила вдоль городского вала, решив выехать из Стармина по тракту, ведущему к Чернотравной Куще. Я собиралась навестить добродушного Травника, грубоватого Кузьмая и нашу общую любимицу, рыжую мантихору Маньку, а заодно попробовать изловить Ромашку. Продав одну из лошадей, я разжилась бы деньгами на первое время.

Я в последний раз обернулась на Стармин и, подчиняясь внезапному порыву, помахала рукой крышам домиков, шпилю дворца и башенкам Школы.

У меня было предчувствие, что увижу я их еще очень и очень нескоро.

Дорога в Кушу, казалось, была заколдована. Как и в прошлый раз, погода резко испортилась, небо затянуло серой косматой мглой, из которой сначала редко и мелко, а потом обильно и уверенно посыпались крупные капли. Дождь лил весь день и большую часть ночи, лишь к рассвету немного истощив тучи, – в них образовались тусклые белые прорывы, чередующиеся с черными горбами. Наученная горьким опытом, я захватила с собой столько еды с праздничного выпускного стола, что хватило бы троим на неделю. А вот о фураже не позаботилась. Белка с явной неохотой жевала мокрую траву, отказываясь от обгрызенных мною хлебных корок. Седло натерло ей спину, непривычная к дальним переходам кобыла постоянно спотыкалась на неровной проселочной дороге, где-то успев потерять левую переднюю подкову. Промокшая насквозь, ссутулившаяся, лошадь казалась жалкой заморенной клячей. Я решила избавиться от нее при первой возможности. Ромашка, при всех недостатках ее характера, куда больше годилась на роль верной спутницы странствующей ведьмы.

Ночью Белка подстроила мне очередную и последнюю пакость в своей жизни.

Ее съели волки.

Разобравшись в следах, я была просто потрясена глупостью кобылы. Стоило мне уснуть, как стреноженная Белка невесть зачем углубилась в лесную чащу и долго блуждала там без определенной цели, пока не свалилась в овраг, где то ли свернула шею, то ли терпеливо дождалась двух тощих, облезлых и потрепанных суровой зимой волков, при виде меня пристыжено шмыгнувших в кусты. Бедные звери изумились нежданной добыче не меньше меня. Вознеся хвалу невесть с чего расщедрившимся богам, они торопливо разделали кобылу, разволокли ноги и ливер по кустам и норам, лишь затем приступив непосредственно к трапезе.

Естественно, столь нелепая смерть не заслуживала ни единого доброго слова. Тоскливые желтые глаза неотрывно следили за мною из частого малинника, горя желанием продолжить пиршество. Обуреваемые голодом, волки погрызли даже седло, так что на память от кобылы мне осталась только узда.

К счастью, до Чернотравной Кущи осталось меньше часа езды; я преодолела это расстояние за полдня, сгибаясь под тяжестью двух сумок – с едой и вещами. К обеду мне удалось разыскать домик отшельника – добротный сработанный скит в холме, выложенный изнутри толстыми бревнами, с выведенной вбок трубой и парой круглых окошек. На холме рос раскидистый ясень, чья серебристая листва резко контрастировала с темной зеленью окрестных дубов.

Пожилой Магистр развалился в кресле-качалке у входа в скит, покуривая длинную трубку с душистым травяным сбором, не имевшим ничего общего с вонючим табаком гномов. Качалка мерно поскрипывала. Кузьмай, в поте лица половший лебеду на маленьком огорожен-

ном участке с ровными рядами грядок, изредка разгибался, перебрасывал пучки сорной травы через забор и укоризненно поглядывал на Учителя, выразительно потирая ноющую поясницу. Магистр добродушно улыбался и кивал прилежному ученику, всем своим видом являя картину полного умиротворения и удовлетворения жизнью.

Первой мою мрачную, сгорбленную фигуру заметила Манька, дремавшая в лопухах у забора. Радостно взвизгнув, она сорвалась с места, перепрыгнула через качалку, заставив опешившего Магистра выронить трубку, в три скачка настигла меня и повалила на землю, виляя хвостом и тыча в лицо холодным носом. В порыве чувств она даже лизнула меня в ухо, размазывая дорожную пыль, замешенную на поте.

Кузьмай охотно воспользовался поводом прервать ковыряние в грядках. Аккуратно притворив за собой калиточку (к огромному разочарованию бродивших по полянке кур, бросавших алчные взгляды на свежевзрыхленную гряду), ученик Травника привычно отпихнул ногой ластившуюся мантихору и принял у меня тяжелые сумки. Я вздохнула с облегчением, потягиваясь и разминая плечи.

Поздоровавшись и в двух словах объяснив цель своего визита, я смущенно приняла поздравления Магистра Травника в связи с окончанием Школы и автоматическим вступлением в Ковен Магов. Кузьмай завистливо шмыгал носом. Ему предстояло сдавать выпускные экзамены в следующем году, экстерном, и учитель немилосердно заставлял его штудировать и повторять обязательный школьный курс.

– Как там моя Ромашка? – спросила я, немного отдышавшись. – Не перестала стяжать славу белого призрака?

– Какое там! – хохотнул Кузьмай. – Осенью бабы за клюквой на болото ходили, так она чего удумала – стоит на тропе и никого мимо не пускает, пока кусок хлеба или сладости какой не поднесут. Правда, ежели которая баба заблудится и аукать начнет, лошадь к ней является и на тропу выводит. Некоторые даже голос ейный добрый и ласковый слышали, а то и вовсе чудеса бают – дескать, как холостого мужика завидит, так красной девкой оборачивается и жалостно так смотрит, что прям устоять нет никакой мочи.

Кузьмай подумал, почесал в затылке и добавил:

– По правде говоря, те герои и до девкиного голоса не шибко на ногах стояли – разило от них, как из кадушки с брагой...

– Кузьмай, прекращай свои дурацкие рассказы, – перебил Травник. – Разве ты не видишь: наша гостья устала и наверняка проголодалась. Иди, накрывай на стол.

Ученик неохотно повиновался. Манька вприпрыжку побежала за ним, подобострастно заглядывая ему в глаза.

– Ты ему только волю дай – дни напролет будет байки травить. – Магистр осуждающе, но беззлобно покачал седой головой. – Присаживайтесь, Вольха. Куда вас распределили?

– В Догеву, главным магом-консультантом, – солгала я.

Очевидно, с той же вероятностью меня могли распределить в преисподнюю главным некромантом-технологом. Глаза Травника полезли на лоб и не долезли самую малость.

– Н-да, – растерянно откашлялся он, – в мою бытность завучем даже назначение в близлежащие к Догеве и Арлиссу города расценивалось как величайшее несчастье, им пугали отъявленных прогульщиков и шалопаев.

– Выходит, поделом мне, – рассмеялась я. – Впрочем, после двух лет общения с вампирами у них вряд ли остался шанс испугать или удивить меня. Так что неизвестно, кому не повезло больше.

– Не скажите, – усмехнулся старый маг, старательно пряча беспокойство в уголках глаз, – в таком случае, полагаю, вас поставили в известность насчет... э-э-э... обряда?

– Какого именно? – насторожилась я.

– Того самого. – Травник так старательно двигал бровями и подмигивал, что мне стало неловко. – Ну, который того... этого...

– Ритуального распития штатного мага в первую ночь второго осеннего новолуния?

Не обнаружив на моем лице и тени понимания, маг прекратил намеки и вздохнул:

– В таком случае вам предстоит серьезный разговор с Повелителем. Столь высокая должность обяжет вас сопровождать его... повсюду, а это не всякий выдержит. Человек, по крайней мере.

Я и впрямь не выдержала:

– Если я и так скоро все узнаю, почему бы вам ни высказаться чуть-чуть попонятнее?

– Не могу, – извиняюще развел руками маг. – Во-первых, я давал клятву вместе с твоим Учителем, а во-вторых, мы сами ничего толком не знаем.

Наша беседа была прервана Кузьмаем. Дюжий парень, по-медвежьи переваливаясь, тащил в охапке тяжеленный дубовый стол.

– В комнате уж больно душно, – пропыхтел он, с размаху брякнув перед нами столом. – И травами разит, аж голова кругом пошла, а энта морда рыжая моим минутным затмением воспользовалась и сыр надъела, во!

Кузьмай возмущенно продемонстрировал выгрызенный полумесяцем сыр. Мантихора, тихо мяукнув, подбежала к креслу и уткнулась мордой в колени Травника. Старик ласково почесал ее за ухом.

– Ты, прежде чем на Маню наушничать, губы-то оботри – все в крошках.

Ученик облизнулся, заливаясь густой краской.

– Ну, это я того... по дороге попробовал самую малость – вы ж все равно опосля этой твари есть побрезгуете. Не пропадать же добру!

– Надеюсь, больше ничего не пропадет? – с усмешкой поинтересовался старый маг.

– Ни-ни! – клятвенно заверил ученик, для пущей важности погрозив Маньке кулаком. Мантихора привычно зашипела на него сквозь пышные усы.

– Вот уж парочка – не разлей вода, – тихим посмеивающимся шепотом сообщил маг, когда Кузьмай снова скрылся в доме. – Куда Кузя – туда и Маня. На охоту вместе ходят, Кузьмай уток из арбалета бьет, а она приносит... изредка. Ну да все лучше собаки – у той упадет птица в трясину, и поминай как звали, а Маня на лету ловит.

Мантихора тем временем уюстилась на коленях Травника, свесив лапы по обе стороны кресла. Пригrelась и басисто замурлыкала, рефлекторно выпуская и втягивая черные когти. Маг шутливо подергал ее за кисточки на ушах, кашлянул и сменил тему:

– Вольха, я хочу попросить вас об услуге. С деньгами, к сожалению, у меня не густо...

– О чем речь, – я возмущенно поморщилась, – а что случилось?

Передо мной звучно плюхнулось блюдо с жареной курицей, воздевшей к небу окорочка. В Манькином мурлыканье появились алчные нотки, и Травник предусмотрительно спихнул ее на землю.

– На болоте снова начали пропадать люди. По одному, двое...

– Днем, ночью? – Я мысленно перебрала в памяти болотных чудищ. Ночных среди них было больше, а связываться с ними хотелось меньше.

– Хватались их обычно поздним вечером... или ранним утром, когда все добропорядочные селяне возвращаются из кустов при корчме.

Кузьмай вручил мне толстый, неровно отрезанный ломоть хлеба и сел рядышком, на прикаченном от поленницы чурбачке. Не успели мы приступить к еде, как тучи опомнились, и хлынул ливень. Ясеновую крону, укрепленную заклинанием, он не пробивал, частыми каплями осыпаясь с краев листовенного шатра.

– Ежели живоглот днем и шастает, сегодня нипочем чем не вылезет, – проворчал Кузьмай с набитым ртом, – ишь зарядило. Хоть бы трясина из берегов не вышла, и без того ее паводком вздуло.

– Кто-кто? – со смешком переспросила я.

– Живоглот, – без тени улыбки повторил Травник, – по крайней мере, так его прозвали местные.

– Полагаю, за привычку глотать живьем?

– Именно.

– Да у вас не болото, а одна сплошная байка! – не удержалась я. – Если все свидетели проглочены, откуда они знают про чудище? Зима выдалась снежная, по весне трясина разъела тропы, вот вам и живоглот... Вы-то сами в него верите?

Травник молча кивнул на дубовый комель возле скита. Кузьмай ссек и порубил на дрова ветки, а неподъемный ствол мантихора облюбовала для ежедневной заточки когтей. Но недавно им воспользовался кто-то еще, втрое глубже распахав крепкую дубовую древесину.

– Я не знаю, что за гость навестил нас прошлой ночью, но Манька учуяла его сквозь стены и забилась под лавку, подвывая от страха. Увы, мы оказались недостаточно храбры для более близкого знакомства...

Я тоже не ощутила прилива трудового энтузиазма. Но признаваться не стала.

– В дом оно не полезло?

– Поскреблось в дверь, но я зажег веточку зверобоя, и все стихло.

– Еще бы! – буркнул Кузьмай, расставлявший по столу миски. – Не веточку, а пук, уж завоняло так завоняло, изо всех щелей дым повалил, еле прокашлялись!

– Ты же сам подсовывал, причем что ни попадя! – вознегодовал Магистр. – Половину запасов из-за тебя, дурня, извели!

– Выходит, там был не один зверобой? Вы не могли бы припомнить, что именно? – перебила я.

Зверобой неплохо отпугивал кикимор, пижма – мелких болотных нетопырей-кровососов, заодно и комаров, чемерицу недолюбливали вурдалаки. Но кикимора, костлявое создание в рост гнома, представляла угрозу только для собак и маленьких детей, к тому же не поедала жертв, а душила и бросала на месте. В ловчие стаи кикиморы сбивались редко, лишь в особо суровые зимы, когда бочаги промерзли до дна.

Запинаясь и поддакивая друг другу, травники начали перечислять. Чего там только не было! Ромашка, вороний глаз, жгучая болотный, вереск, двуцветник, птичий ячмень, камнеломка... Похоже, им удалось обратить в бегство всю окрестную нечисть, а также птиц, зверей и ползучих гадов.

– И много человек пропало?

– За два месяца – шестеро.

– Пятеро, – поправил Кузьмай, – Ламоня у свояка заночевал, вернулся к обеду. Ох, и отходила его жена кочергой, пуще живоглота! Брехал, поди, что у свояка, тот губ не помадит...

Маловато для плотоядной нежити, особенно если человек ей на один заглот. Стрекотун? Малый тинник? Эти способны схоронить тело в трясине и глотать его пару недель, но они в основном падальщики, предпочитают заболоченные кладбища. Я задумчиво обгрызла куриное крыло, кинула изнывающей Маньке. А если он не один? Какой-нибудь когтистый упыришка промышляет людей ради крови и скребется в двери по ночам, а тела достаются нечисти помельче.

– Ладно, – решила я, – устроим на него засаду возле избушки. Хорошо бы поросенка к дереву привязать, да повизгливее. Сможете раздобыть?

Кузьмай задумчиво поскреб макушку, просиял и кивнул.

– Имеется в виду купить, – многозначительно уточнил старый маг.

Ученик приуныл.

– Ладно, – проворчал он, – доем и схожу в деревню.

– И хотелось бы все-таки поймать мою лошадь, – добавила я. – Как ты думаешь, нам удастся застать ее врасплох на ночлеге?

– Лучше на водопое, – поразмыслив, ответил Кузьмай. – Болотную жижу она не пьет, бегают к роднику. Тут криничка неподалеку, срубом обнесенная. Сруб-то за годы наполовину в землю врос, днем селяне воду выбирают, а под вечер она высокононько стоит, как раз кобыле дотянуться. Вот из деревни вернусь, и сходим.

Дождь утих так же внезапно, как и начался, но искать живоглота по колено в грязи мне что-то не хотелось. Я осталась в ските с Травником ждать обещанного поросенка, от нечего делать разглядывая книги на полках. На самом видном месте, разумеется, стояли замусоленные фолианты по травоведению, нижние полки были отведены для иных разделов магии, на верхних усердно копили пыль свитки. Я присела на корточки и пробежалась пальцем по корешкам. Некоторые из них коротко вспыхивали, давая понять, что книга дастся в руки не каждому – чужаку способна плюнуть в лицо огнем или вовсе не открыться. В самом углу стоял ветхий справочник по неестествознанию, по которому, наверное, обучался сам Травник и который с тех пор не открывал. Рисунки в нем были наивные, схематичные, боевые заклинания перемежались суеверными указаниями вроде «поплевать через левое плечо». Я фыркнула, представив себе озадаченную морду упыря, когда я, вместо того чтобы треснуть его мечом промеж глаз, начну старательно отплевываться.

Поймав спиной испытующий взгляд, я захлопнула книгу и обернулась. Магистр задумчиво откинулся на спинку кресла, пыхая трубкой. Дымок, как живой, целно струился к печи и выскальзывал через трубу, не оставляя запаха.

– Вольха, скажите, – помолчав, спросил он, – вы не теряли в Догеве сознания? Не было головокружения, тошноты, чувства, будто проспали сутки?

– Нет, и укусов на шее тоже не замечала, – ехидно добавила я.

– Я не имел в виду, что они вас кусали, – мягко сказал архимаг, – но существуют иные... способы воздействия.

– Повторяю: нет!

– Как скажете, – уверенности в его голосе не было. – А когда вы в последний раз болели?

– Магистр, либо вы рассказываете все без утайки, либо перестаете задавать глупые вопросы.

Травник огорченно развел руками: мол, умолкаю. Я прикусила губу, но допытываться не стала.

О возвращении Кузьмая мы узнали задолго до его появления на опушке, по громкой ругани и невнятным блеющим звукам. Ученик тащил на веревке пегого козла с обломанным левым рогом, лохматого и пучеглазого. Козел упирался, Кузьмай настаивал.

– Во, – угрюмо буркнул он, – насилу приволок. Пушай теперь живоглот с ним мучается!

Я принялась и поспешно зажала нос. Мягко говоря, от козла разило. Крепко – смердело до невольно исторгнутой слезы.

– А что, – осторожно прогнусавила я, – поросята кончились?

Кузьмай, и сам не уверенный в равноценности замены, начал оправдываться:

– Молочных ни у кого нет, а за подсвинков такую цену заломили, что козел дешевле обошелся!

– А может, тебе еще и приплатили, чтобы ты его забрал? – вкрадчиво поинтересовался Травник.

Кузьмай обиделся:

– Два кладня отдал, и то битый час торговался! Поросенок – тьфу, не будет живоглот на него размениваться, а козел – он большой, его издалика видать...

– Насчет него и слепой не ошибется, – поддакнула я. Козел нагнул голову и мстительно боднул Кузьмая пониже пояса. – Что ж, привяжи у скита. Будем надеяться, у живоглота насморк...

Глава 6

Как показала практика, козла следовало привязать подальше. Лучше всего – на другом краю болота. За день он успел перебодать меня, Травника и двух робких мужичков, заглянувших к отшельнику за снадобьем от чирьев. Манька и та обходила его стороной, недовольно отфыркиваясь. Блеял он исправно, громко и гнусаво, так что все окрестные живоглоты с нетерпением ожидали ночи, дабы с наслаждением придушить мерзкую тварь. К вонимы мы притерпелись, но когда козел со всей дури принимался таранить ствол за неимением иного противника, от грохота закладывало уши. Я едва дождалась вечера, чтобы отправиться с Кузьмаем к роднику.

Парень не соврал, в сумерках Ромашка прискакала на водопой. Развевая гривой в легком галопе, она плыла над трясиной как привидение. За ней бесшумно летела черная тень, то бок о бок, то обгоняя, то отставая на корпус.

Я протерла глаза.

Две лошади, белая и черная, мчались по открытому пространству болота вдоль горизонта.

Я ничего не понимала. Ну ладно, Ромашка еще пользуется современными достижениями магии, а как скользит над трясиной вторая? И откуда она там взялась? Здоровенная какая, наверное, жеребец?

– Кобыла. – Кузьмай, не подозревая, ответил на занимавший меня вопрос. – Совсем молодая, одноплетка, но рослая, не иначе как в отца пошла. Прошлой весной я ее первый раз заметил, совсем еще жеребенком была, но от матери не отставала. Я-то думал – кобыла недавно ожеребилась, жеребенок крохотный, догоню. Куда там! Задрали хвосты, ровно кошки дикие, да ка-ак припустят поперек трясины! Белая прямо по бочагам, жеребенок – с кочки на кочку. На козе еще догнал бы, а так...

Парень безнадежно махнул рукой. Лошади, словно подчиняясь его жесту, остановились и повернулись к нам.

– Ромашка! – позвала я. – Иди сюда, девочка!

Держи карман шире! При звуке печально знакомого голоса белая лошадь подскочила, как ошпаренная, и помчалась прочь, не оглядываясь.

Черная осталась на месте, с интересом разглядывая чужаков.

– Давай попробуем к ней подойти, – предложила я.

Кузьмай только рассмеялся:

– Думаешь, подпустит на расстояние вытянутой руки?

– Хоть рассмотри ее поближе. – Я неторопливо, стараясь не делать резких движений, пошла навстречу кобыле. Кузьмай, напротив, присел на пенек, скрестив руки на груди, – видимо, хотел насладиться веселым зрелищем погони человека за лошадей.

Как ни странно, та не выказывала ни малейших признаков испуга. Изыщное воплощение любопытства – от кончиков настороженных ушей до вздернутого хвоста – кобылка застыла как изваяние, готовая в любой момент сорваться с места. Чуть раскосые глаза с вертикальными зрачками переливались всеми оттенками желтого, как кусочки янтаря на залитом солнцем пляже. Я почтительно остановилась на расстоянии десяти локтей, опасаясь спугнуть лошадь и размышляя, что делать дальше. Для Ромашки я захватила горсть подсоленных сухариков и теперь машинально перебирала их в кармане, не осмеливаясь предложить дикой кобыле. Вряд ли она правильно истолкует мой жест и оценит непривычное лакомство.

Переживала я напрасно. Сухарики похрупывали, лошадь прислушалась-принюхалась, фыркнула: «А, где наша не пропадала!» – и подбежала ко мне. Я вытащила полную горсть сухарей, сложила ладони «лодочкой», и в них тут же уткнулись мягкие шелковистые губы.

Мягкие-то мягкие, но настырные и на диво ловкие. Сухари как ветром сдуло, даже крошек не осталось. Пришлось снова лезть в карман, вытряхивать до последней крупинки. Откушав, лошадка окончательно обнаглела: ткнулась мордой мне в ухо, обнюхала и попыталась пощипать волосы, обошла вокруг, скептически разглядывая под разными углами. Словно домохозяйка на рынке, с брезгливой гримасой изучающая уцененный сыр, в тягостном раздумье – тряхнуть кошельком в другой лавке или рискнуть желудком в этой.

Поскольку особого выбора не было, дама смирилась с несимпатичным продуктом, насквозь провонявшим козлом. Шумно выдохнув, она повернулась ко мне боком, словно предлагая оседлать. Я осторожно почесала лошадь за ухом. Ей понравилось – кобылка нагнула голову, подставляя крутую шею с короткой, словно остриженной гривой. Поглаживание ввело лошадь в легкий транс, она пошире расставила ноги, полуприкрыв кошачьи глаза. Осмелев, я привычно оперлась о холку, подпрыгнула, побарахталась и бесславно соскользнула вниз. Кобылица была выше Ромашки на добрую пядь, и вся какая-то обтекаемая, скользкая, словно покрытая змеиной чешуей, а не шерстью. Не трогаясь с места, она со снисходительным интересом наблюдала за моей возней. Влезть на нее без стремян оказалось не проще, чем взбежать по ледяной горке. Пришлось воспользоваться перевернутой кадучкой (лошадь терпеливо ждала, пока я за ней бегала). Удивительно, но стоило мне выпрямиться, как скольжение и сползание в разные стороны тут же прекратились – гибкая лошадиная спина словно подстроилась к наезднице, даже без седла я сидела как влитая. Осмелев, я легонько ударила лошадь пятками. Она покосилась на меня, – я могла поклясться, что ее губы дрогнули в злорадной ухмылке, – и пошла плавным неспешным шагом.

Конечно, я и раньше каталась на лошадях без седла, но это было что-то новенькое. Не чувствовалось ни толчков, ни подскоков, отдающихся в ягодицах, лошадь словно плыла над землей, не отталкиваясь от нее копытами. Бока кобылы, сжатые моими коленями, почти не шевелились; казалось, она не дышит, да и не слышно было дыхания, если не считать редкого досадливого фыркания, когда лошадь встряхивала головой, отгоняя комарье.

Я чуть сжала колени. Лошадь беспрекословно перешла на трусцу, словно всю жизнь ходила под седлом и наловчилась угадывать желания всадника без шпор и поводьев.

Ощущение полета усилилось. Чем быстрее неслась лошадь – рысью, а затем галопом, тем больше она сливалась с всадницей. Казалось, я намертво вросла в ее спину, не нуждаясь в седле.

Случайно глянув вниз, я обомлела – пестревшая цветами луговина давно осталась позади, под копытами мелькали бочаги и кочки. Кричать «тпру!!!» было столь же бесполезно, сколь глупо. Мы не падали в болото только благодаря безостановочному движению, для которого хватает одной-двух точек мгновенной опоры.

Окно бочага. Прыжок! Пять секунд свободного полета. Кочка слева – левая передняя нога. Сухой островок слева – правая задняя. Коряга. Прыжок! Удар копытом в полете. Рывок! Дерево на пути. Поворот в воздухе, небо смешалось с землей, у самого носа мелькнули сухие ветки. Поваленный ствол. Прыжок! Прыжок!

Я зажмурилась, обхватив руками лошадиную шею и уткнувшись лицом в гриву. Нет, кобыла не пыталась меня скинуть, мы по-прежнему составляли единое целое, но видеть этот монолит то летящим подобно птице, то боком несущимся по топи со скоростью ветра было выше моих сил.

Наконец лошадь встала. Нет, она не замедляла шаг, не тормозила задними ногами, встала – и все, словно чье-то заклинание превратило живое существо в каменную глыбу, неподвластную инерции. Я так не умела и кубарем полетела через услужливо опущенную шею. Ехидно заржав, черная кобыла переступила через мое распростертое тело и, помахав хвостом на прощание, растворилась в непроглядном тумане Козьих Попрыгушек.

Приподняв голову, я только и смогла плюнуть ей вслед набившейся в рот тиной. Тропа, поперек которой я лежала, была единственной безопасной дорогой через болото. Треклятая кобылица аки посуху промчалась через самое сердце трясины, чьего ненасытного чрева остерегаются даже лягушки.

– Вольха! Вольха!!! – заголосили вдалеке. – Иде ты-ы-ы? Ау!!!

– Ау! – отозвалась я, различив алую точку по направлению звука. – Кузьма-а-ай! Я на тропе! Иди сюда-а-а!

Ученику Травника, снабженному факелом, выросшему на болоте и знавшему наперечет каждую кочку, потребовалось не меньше получаса, чтобы пройти треть версты по едва заметной тропе. Вечерний туман заботливо укутал Попрыгушки желтым одеялом, ускорив наступление ночи.

– Ты в порядке? – Парень перебросил факел в левую руку и помог мне подняться.

– Вроде бы. – Я потеряла ушибленный копчик и одернула куртку. Штаны на задугах пропитались болотной жижей.

– А где чернуля? – Кузьмай настороженно вертел головой, словно опасался, что из тумана за спиной высунется усатая морда и цапнет его за мягкое место.

– Ускакала по тропе в другую сторону. – Я слегка покривила душой. Мне казалось, что лошадь затаилась в тумане и сквозь него наблюдает за нами всевидящими янтарными глазами. – Славная кобылка, верно? А какая выносливая! Галопом проскакала добрых пять верст – и даже не вспотела, да что там – не запыхалась!

Зато с меня пот лил ручьями – правда, по другой причине.

– Добрые лошади по трясинам не гойсают, – пробурчал Кузьмай. – То и не лошади вовсе, а беси болотные. Явится такой честному человеку, поманит, в руки дастся, да и нырнет в бочаг вместе с всадником.

– Брось, не нырнула же, – неуверенно отмахнулась я.

– Не нырнула – потому как ведьму в тебе почуяла, – подумав, заключил Кузьмай. – А супротив ведьмы ни один бесь не выстоит, потому – остереглась топить.

– Очередная байка, Кузя, – хохотнула я. – Беси, я бы сказала, весьма охотно идут на контакт с ведьмами – с целью пообедать. И рано или поздно какой-нибудь бесь мною, да и тобою подзакусит, так что не рассчитывай на ведьминскую неуязвимость и неосведомленность бесей в этом вопросе.

Кузьмай украдкой перекрестился. Мы потопали обратно, парень низко держал факел, высвечивая тропу. Пот остыл и сошел, в мокрых штанах стало зябко, словно кто-то прорезал в них дыру и в нее беспрепятственно задувает ледяной ветер. Трава не успела высохнуть после дождя и щедро поделилась водой с моими сапогами; в левый вошло больше, он хлопал громче и противнее. Я плелась за Кузьмаем, бездумно отсчитывая шаги. Сто, двести, пятьсот... Вдали нарисовалась Куца, длинные узкие облака хищно скользили над деревьями, словно выглядывая поживу. Факел чадил и фыркал на последнем издыхании.

– Слышала? – шепнул Кузьмай, больше лязгая зубами, чем двигая языком. – Воет.

Мелодичный, тоскливый, пробирающий до костей вой накатывал волнами как далекий прибой, то разбавляя ночную тишину, то переплетаясь с ветром.

– Там, – стараясь не поддаваться панике, я махнула рукой на север, – приближается. Интересно, оно идет посуху или плывет над трясиной? Если ты знаешь нужную тропу, можно пойти ему навстречу. Не хотелось бы разминуться и потом всю ночь ожидать приветливо оскаленной морды в окошке.

– Мы же от-т-туда пришли. – Лицо Кузьмая белело во тьме, как не прожаренный блин. – Т-тропа вильнула....

– Прекрасно! – Я деловито размяла пальцы. – Выходит, оно идет за нами. Кузя, чуть-чуть помедленнее, но не останавливайся, чтобы оно не почуяло подвоха.

Кузьмай одобрил только вторую частью плана, но бросить меня посреди болота не посмел. Идти стало значительно веселее, ногам не терпелось резво пуститься наперегонки.

До леса оставалось шагов двести, когда факел чихнул и угас. Раскаленный уголь на конце медленно потускнел, словно вбирая отданный ранее свет.

Мы застыли на месте. Над трясинной перемигивались болотные огоньки, невдалеке истошно блеял несносный козел. Потом замолчал, но воя мы тоже не услышали.

– Отстал? – с надеждой пробормотал Кузьмай.

– Подкрадывается, – неумолимо отрезала я. – Как у тебя с практической магией?

Травник судорожно сглотнул, что вряд ли можно было истолковать как положительный ответ. Видимо, прикладные дисциплины ему не давались.

– Тогда хотя бы под ногами не путайся, – вздохнула я. Закатала рукава и начала поочередно щелкать пальцами обеих рук, развешивая в воздухе комки пульсаров. Мне не хотелось выдавать живоглоту наше точное местонахождение, и они вспыхивали с задержкой, отлетев локтей на двадцать. Я успела сотворить девять штук, когда редкий лязг Кузьмаевых зубов перешел в дробный стук и нечленораздельное мычание. Его указательный палец трясся в унисон с челюстями.

Светящийся шарик прикорнул на кончике носа заметно озадаченного живоглота, припавшего к тропе и весьма недовольного разоблачением. Клацнули зубы, но пульсар легким перышком выскользнул из смыкающейся пасти и завис чуть поодаль.

Он и впрямь походил на малого тинника – если подрастить последнего до размеров медведя, пропорционально увеличив зубастую пасть от уха до уха. Казалось, шеи у него нет вовсе, голова плавно перетекала в квадратное туловище, покрытое спутанной шерстью. Мощные задние лапы были короче передних раза в два, из-за чего казалось, будто живоглот идет вприсядку.

Я как-то сразу поверила в его глотательные способности и не стала дожидаться наглядной демонстрации. Мы ударили одновременно – я излюбленной волной огня, Кузьмай с надрывом заголосил какое-то заклинание. Понять его в столь драматическом исполнении было непросто, но, как ни странно, оно сработало: нас обоих швырнуло на землю, тварь же едва пошатнулась. Волна прошла верхом, гигантской дугой расчертила небо и бесславно угасла, оставив легкое дымное облачко.

– Я же просила! – завопила я. Оправдываться было некогда – мы подхватились и бросились враспынную: я назад по тропе, мимо остолбеневшего от такой наглости живоглота, Кузьмай вперед – другого пути не было.

Удаляться от болота тварь не хотела, а может, просто любила девушек в собственном соку. Она без колебаний развернулась и бросилась за мной, давась хриплым рыком. Двигался живоглот длинными прыжками, каждый в пять-шесть моих шагов, но грузно и неуклюже, так что догнать меня ему удалось не сразу. В темноте я почти ничего не видела и неслась наугад, стараясь не думать о трясине по обе стороны тропки. Ноги скользили по мокрой осоке. Живоглот старательно пыхтел за спиной, нагуливая аппетит перед ужином. Разумеется, я не собиралась подкармливать бедное животное. Дождавшись подходящего момента, я резко остановилась, развернулась, присела и кувыркнулась вперед, бормоча заклинание. Надо мною в высоком прыжке пролетел удивленный живоглот, приземлился и яростно взревел: из парных дыр в брюхе хлестали темные струи, шерсть по краям дымилась. Не обольщаясь, я вскочила на ноги и без оглядки побежала обратно. Глаза худо-бедно приноровились к темноте, трясина слабо фосфоресцировала. Тропа казалась черным ручьем, змеившимся по серебристому лугу. Нежить на диво живуча: даже выпотрошенная, не сразу издохнет; получив же смертельную рану, будет преследовать обидчика до последнего. Может статься, до утра – тьма покровительствует нечистой силе, в ней прекрасно себя чувствует даже изначально мертвый зомби. Потому-то бывалые маги рекомендуют загодя приглядеть высокое дерево, дабы в случае чего пересидеть на нем праведный гнев агонизирующей твари. Раньше я посмеивалась над подоб-

ными советами, но сейчас была совсем не прочь схалтурить, махнув рукой на честь, доблесть и славное имя в летописи.

Раненый живоглот скакал медленнее, зато свирепо и недвусмысленно ревел в полный голос, отбивая охоту сдаваться и просить прощения. До Куши оставалось меньше тысячи шагов, до живоглота – три прыжка, для мгновенного перемещения на несколько сот локтей требовалось замереть хотя бы на пять секунд и умиротворенно сосредоточиться. Я сомневалась, что сумею надлежащим образом умиротвориться с разъяренным живоглотом за спиной, и мчалась вперед что есть мочи, лихорадочно перебирая в памяти доступные заклинания. К сожалению, большинство из них были строго специфичными, рассчитанными на конкретный вид нежити, а живоглот классификации не поддавался.

Тварь настигала. В лицо бил ветер, в спину – столь же неприветливое дыхание. Эх, жаль, меч остался в ските. Закаленная сталь порой оказывается действеннее магии, упокаявая нежить на месте. Я представила веревку, натянутую поперек тропы, перепрыгнула и с удовольствием заслушала тяжелый удар о землю. Топот на секунду умолк, потом возобновился с удвоенным энтузиазмом. Только я собралась повторить удачный трюк, как сама поскользнулась на островке грязи, шлепнулась на колени и единственное, что успела сделать, – обернуться и швырнуть в живоглота пульсирующий комок огня, растекавшийся по морде.

Как ни странно, это сработало – ослепленный гад закрутился на месте, рыча, плюясь и раздирая морду лапами. От пульсара летели клочья вперемешку с шерстью. Я потихоньку отползала назад и все никак не могла подняться, неудачно подвернув ногу. Малейшее движение причиняло острую боль, ступня словно онемела.

И тут из темноты выскочил козел, осмотрелся, тряхнул бородой, выбрал ни разу не боданный зад и без колебаний пошел на таран. Звучно припечатанный рогами, живоглот пошатнулся, совершил величавый полуоборот над тропой и ухнул в болото головой вниз, плеснув на меня затхлой жижей. Забился, задрыгал задними лапами под шипение и бульканье пузырей болотного газа, скопившегося в толще трясины, погружаясь все глубже, пока не исчез целиком.

Воцарилась тишина, с непривычки зазвеневшая в ушах. Прошло немало времени, прежде чем сквозь нее проступил шелест ветра в мохнатых гривках осоки, жабыя разноголосица, надрывные крики осмелевшей выпи и заплетающиеся шаги.

Пульсар Кузьмая напоминал худосочного светляка на последнем издыхании, призванного скорее для моральной поддержки, нежели борьбы с темнотой.

– Г-г-где? – только и спросил он, явно имея в виду не утерятый впопыхах сапог.

Я молча показала на утомившийся бочаг.

– Н-не выберется? – трясущимися губами пролепетал парень.

Я пожала плечами. Трясина сыто хлюпнула. Козел дробной рысцой подбежал ко мне и ехидно заблеял в ухо. Я подняла волочившуюся за ним веревку, показала парню:

– Твоя работа?

Он кивнул:

– Дай, думаю, спущу – авось отвлечет живоглота. Боднуть успел, зараза, так я ему ногой под зад – направление, значит, задал...

Кстати, о ноге. Сцепив зубы, я размяла ступню, покрутила из стороны в сторону. В лодыжке глухо щелкнуло, кольнуло и потихоньку отпустило. Кузьмай помог мне подняться, изловил козла, и мы вдвоем заковыляли к лесу.

Вновь заморосил дождь, но в Куше о нем напоминал только мерный шелест листьев над головой. Травник поджидал нас у двери скита с факелом в руках. Маня пристыжено сжалась в комочек у его ног. Козел радостно бросился вперед, но мы с Кузьмаем повисли на веревке.

– Хвала богам, вернулись! – Старец облегченно затушил факел о землю и посторонился, пропуская нас в скит. Кроме козла, разумеется. Маньку звали, но она не пошла – насторожила острые ушки и убежала в темноту, мышковать. – Я слышал вой...

– А мы даже видели его источник, – подхватила я. – Увы, трофейных клыков прихватить не удалось...

– Нет клыков – нет гонорара, – расхожей фразой пошутил Травник. Среди магов-практиков и впрямь слишком много жуликов, чтобы верить им на слово и по несколько раз платить за одного и того же, якобы усекновенного, упыря.

Рассказывать о живоглоте я предоставила Кузьмаю, и он не подкачал, так расписав побоище, что мы с Травником слушали его с открытыми ртами. Рукопашных боев с подручными дубинами и могущественных заклятий хватило бы на десяток подвигов. Изредка парень сбивался и начинал рассказывать от первого лица, а живоглот двоился, одновременно нападая слева и справа.

Заметив мое неподдельное изумление, Травник рассмеялся, оборвал сконфуженного Кузьмая и потребовал мою версию событий. Я, напротив, постаралась изложить их как можно суше и короче – собой я была недовольна, приписав победу везению, а не мастерству.

Но моим рассказом Травник был поражен еще больше. Видимо, Кузьмай совершал «подвиги» по десять раз на дню и маг решил, что мы в лучшем случае видели живоглота мельком, а то и вовсе не дали себе труда его рассмотреть, убегая без оглядки.

– Конечно, я считал и считаю, что это не женская работа, – помедлив, сказал он, – но вы справляетесь с ней лучше иного мужчины.

Я презрительно фыркнула над первой частью фразы, в глубине души довольная похвалой. Воодушевленный Кузьмай начал рассказ заново, заполонив жмырями все болото, – видимо, репетировал завтрашнее выступление перед доверчивыми сельскими девками.

Переодевшись, я устроилась на лежанке возле печи с кружкой травяного отвара, вместо одеяла укутав колени волчьей шкурой – охотничьим трофеем Кузьмая. Шкура была седая, довольно-таки лысоватая и без лишних дыр, то есть, скорее всего, отданная волком добровольно. Отвар готовил сам Магистр, от него вкусно пахло медом и земляничной поляной. Зелье слегка горчило, но вполне годилось для прихлебывания маленькими глоточками. То что надо для неспешного изучения толстой книги по неестествознанию. Я листала страницы подряд, разглядывая картинки на предмет сходства. Наш знакомец сыскался в разделе «Нежить болотная, чудная и вымирающая». Откашлявшись, я зачитала вслух:

– «Тинник большой, он же жмырь, заглот, хохотун болотный». Ничего себе хохотун, веселье так ключом и било. «Злобный зело». Заметили. Что дальше? «Жреть яко людей, тако ж и птицу, зверя, гадов всяческих и нежить прочую». Ага! А я-то думала, он сидит на диете. «На жмыря ходить надобно по двое, а лучше по трое, а лучше всем скопом, сколько есть». Ценное указание. К чему бы это? А, вот: «покуда жмырь одного заглотит, другой его цепом по темени жажнет, аль мечом, аль дубиною...» Ух ты, даже лопатой можно. «А то загадку ему сказать: „Что на гвоздь не повесишь?“»

– А и правда, что? – заинтересовался Кузьмай.

– Не указано. Ладно, продолжаю. Антинаучно как-то мы его угробили, даже неловко. «Покуда жмырь думать будет, цепом его по...» В общем, разгадку знать не обязательно, разве что с первого удара не уложишь. Триста лет книжечке, в современных учебниках ничего похожего нет.

– Вымер, видать, – предположил Кузьмай.

Я пролиستала главу до конца:

– На момент составления книги водился только на низинах Озерного края, возле Гребенчатых гор.

Травник задумчиво пригладил бороду:

– Тех болот давно и след простыл, осушили. Лихорадки оттуда ползли, чудища всякие тянулись, а Ясневый Град ближе всего, вот эльфы первыми и не выдержали. Что сами, чем Ковен Магов подсобил. Там луга теперь заливные, но летом сухо, нежить и повимерла.

– Может, не вымерла, а к нам перебралась? – подал голос Кузьмай, сосредоточенно тачавший новый сапог – тот мы так и не нашли, да и не до него было.

– Двести лет уже прошло, могла бы и раньше сказаться. – Травник хлопнул ладонью по колену. – Ах я, пень старый, кур запереть забыл, а Манька по ночам на промысел выходит! Днем, негодница, при нас не трогает, а чуть не углядишь – по двору пух комьями.

Заваленный обрезками кожи, Кузьмай сделал вид, будто не слышит, и маг, кряхтя, сам накинул плащ, зажег факел и вышел в ночь.

– А заклятия его не берут, токмо лопата? – поинтересовался парень.

– Тут указана парочка общих, но не взамен, а в дополнение.

Кузьмай поежился:

– Вольха, а ты уверена, что он... того? Как-никак, ему трясина – дом родной, отлежится и снова вылезет.

– Болотной нежить называется не из-за того, что живет в самой трясине, а просто способна либо ходить по ней, либо чують крепкие кочки. Кикиморы и те живут в бочагах с водой, избегая зыбучей грязи. – Я захлопнула книгу, не обнаружив больше ничего интересного. О новых и вновь объявившихся видах нежити следовало доложить в Ковен Магов, но я не сомневалась, что Травник сделает это за меня. Когда немного успокоится.

– Все, моему терпению пришел конец! – заорал он с порога, потрясая рваной полкой. – Кузьмай!!!

Испуганно подскочивший ученик был схвачен за шиворот и оттащен к распахнутой двери, в которую грозно заглядывал козел с тряпичным клоком на целом роге.

– К утру чтобы духу его здесь не было! Что хочешь сделай – продай, подари, подкинь кому-нибудь, заведи подальше в лес и выпусти, но чтобы больше я его не видел!

– Там же темень непрогля-а-адная! – горестно взвыл Кузьмай, цепляясь за косяк.

– С живоглотом вы покончили, на болоте безопасно, возьмишь Маньку, факел, арбалет, грабителей, буде таковые встретятся, на коленях упросишь ограбить тебя до последнего козла... – Маг, не обращая внимания на робкие протесты ученика, безжалостно вытолкнул его за дверь, охапкой сунув куртку и плащ.

Я не стала вступаться за нашего спасителя.

Глава 7

Бледное утреннее солнышко заглянуло в окно и холодными еще лучами мазнуло по закрытым глазам. Вставать не хотелось, но сон куда-то исчез, а тут еще Манька, невесть как догадавшись о моем пробуждении, вскочила на лежанку и полезла лизаться. Отпихнув пудовую киску, я села, зевая и потягиваясь. Неужели над Кущей установилась хорошая погода? Похоже на то – в ослепительно голубом небе не барахталось ни единой тучки.

Солнечный квадрат на полу исчез. Черная морда обнюхала подоконник, решительно раздвинула занавески и просунулась в оконный проем.

Я даже не удивилась:

– Ну, чего тебе еще надо?

«Как это – чего? – возмущенно фыркнула морда. – Я тебя вчера так хорошо покатила, где же моя награда?»

Кобыла с интересом оглядела скит, принялась и стала жевать связку жгучего перца, свисавшую с потолка над самым окном.

– Что, вкусно? – ехидно спросила я.

«Весьма недурно, – кобыла облизнулась, жарко подышала обожженной пастью. – Что тут у нас еще? О, какой прекрасный букет вон там, подальше, на стеночке!»

– Сгинь, нечисть! – опомнилась я, запуская подушкой в нахалку. Еще не хватало, чтобы эта всеядная бестия слопала все целебные гербарии моих гостеприимных хозяев!

От подушки кобыла ловко увернулась, успев-таки подцепить и сорвать с гвоздя пучок каких-то травок с мелкими игольчатыми листиками и гроздьями синих цветков.

Кузьмай, потягиваясь, вышел на крыльцо и подавился зевком. Из-за угла скита выступал лоснящийся конский зад, увлеченно помахивающий хвостом. Увидев вылетающую из окна подушку и услышав мой гневный окрик, ученик поспешил на помощь своим бесценным травкам, попытавшись оттянуть кобылу за наиболее, с его точки зрения, подходящую часть тела.

Взвизг испуганной лошади, удар, вопль, свистящий звук полета и гулкий – падения, а затем – нецензурная брань и стук копыт. Я подскочила к окну. Кузьмай сидел на земле, одной рукой потирая ушибленную грудь, а кулаком второй угрожающе потрясая вслед кобыле. Отбежав на безопасное расстояние, лошадь обернулась, остановилась и обиженно заржала.

На шум из скита выскочил Травник – внушительное и вместе с тем комичное зрелище: длинноротый старец с отполированным до блеска посохом наперевес, в ночном колпаке и белой долгополой рубаше. Кобыла зашипела на него, как рассерженная кошка, давая понять, что волшебные палки ей не по вкусу. Сам Травник колдовал из рук вон плохо, но, вооруженный посохом, представлял нешуточную угрозу для несведущих в магии противников.

– Уберите посох! – крикнула я, осторожно выбираясь из окна – под ним буйно колосилась крапива. – Вы ее пугаете!

Кобыла, храпя, затанцевала на месте, взрывая землю копытами.

«Пугает? Меня?! Ха! А ну, живо бросай свою жалкую хворостину, пока я не разозлилась по-настоящему!»

Травник поспешно спрятал посох за спину.

– Вольха, вы уверены, что сумеете с ней справиться? – тактично поинтересовался он.

Я пожала плечами:

– По-моему, она настроена дружелюбно.

Кузьмай так не считал. Потирая ушибленную грудь и шипя от боли, он костерил кобылу последними словами. Я хотела спросить, не нужна ли ему помощь, но передумала. Вряд ли человек, стоящий одной ногой в могиле, способен к столь длительной и изощренной брани.

– Ребра целы?

– Вроде целы, но синячище-то какой! Ужась! – Кузьмай повернулся ко мне, демонстративно задирая рубашку. Н-да... Если судить по форме синяков, его лягнула не лошадь, а петух-переросток: на широкой Кузиной груди багровели, наливаясь чернотой, два четких трехпалых следа. – Вольха, гони ты ее в болото от греха подальше! Точно тебе говорю: бесь это, бесего семя! У нее, поди, и рога есть!

Кобыла презрительно фыркнула. Косясь на Травника с посохом, она боком-боком подошла ко мне, ткнулась в плечо и стала обнюхивать одежду, спускаясь все ниже, словно добросовестный таможенник. Ничего съестного в карманах не завалилось, и этот прискорбный факт заметно огорчил лошадку. Наклонив голову, она изучила мои босые ноги и разочарованно вздохнула, обдав колени теплом. Погладить себя, впрочем, разрешила, и я заново удивилась блестящей, идеально гладкой шкуре – шерстинка к шерстинке, скребницей так не уловишь. Отродясь не чесанный хвост распадался по волосинкам, не говоря о жесткой щетке гривы без единого репья.

Окончательно завоевать расположение «беси» помогла полная миска ячменя, за которым я, не поленившись, сбегала в сарайчик. Чернуля звучно схрупала все до последнего зернышка, с надеждой надкусила край миски, едва не пустив на черепки глиняную посудину, и милостиво повернулась ко мне левым боком: мол, так уж и быть, влезай, покатаю.

Но вчерашняя гонка с препятствиями кое-чему меня научила. Прежде чем воспользоваться ее любезным предложением, я сходила в дом, принесла Белкину узду и, силой раздвинув бархатистые губы, сунула кобыле в рот железную планку, продев распорку в кольцо на уздечке.

Лошадь удивилась. Ощупав удила языком, она стиснула зубы и задумчиво подвигала нижней челюстью. Пронзительный звук напоминал скрежет точильного круга, из уголков губ сыпанули искры.

Я торопливо разжала лошадиные челюсти, но было поздно. От удил остались только покореженные кольца на узде. Кобыла фыркала и вырывала голову, брызгая слюной, но я успела разглядеть ее верхнюю челюсть и ужаснуться: за рядом безупречно белых зубов прижимались к нёбу парные гадючьи клыки. Лошадь выпрямляла их по необходимости – например, попытавшись цапнуть меня за палец во время осмотра. В конной сшибке ей бы цены не было. Интересно, она хоть не ядовитая? Что ж, скоро узнаю. Я вытерла обслюнявленную ладонь о штаны, в то время как лошадь пыталась подцепить и зажевать болтавшийся повод.

– Нет, голубушка, этот ремешок нам еще пригодится. – Я легонько щелкнула кобылу по носу, и она замерла, обиженно посверкивая желтыми глазами. Н-да, с этой бесей надо держать ухо востро. Как бы она и меня в придачу не слопала. – Объясняю популярно. Вот это – узда. Тяну за левый ремешок – ты сворачиваешь влево, за правый – вправо. Когда я говорю: «Но!» – ты бежишь, «Тпру!» – останавливаешься. Все ясно?

Кобылка встряхнулась, зазвенев остатками узды.

– Вот и ладушки, – пробормотала я, вскакивая ей на спину с третьей попытки. – Но!

Лошадь скептически фыркнула, достаточно похоже воспроизведя «Тпру!»

– Что-то непонятно? – Я перегнулась через гривастую шею, заглядывая лошади в левый глаз.

Кобыла покосилась на меня, но с места так и не тронулась: «Тоже мне, всадница – толком не запрягла, а туда же – нукает».

Подгонять ее каблуками я не осмелилась, сытая по горло козлиным скоком по болоту. Лошадь стояла, я сидела, и мы обе усиленно делали вид, что держим ситуацию под контролем.

– А дай-кось я ее крапивиной под хвост! – внес конструктивное предложение невоспитанный ученик Травника.

Кобыла вздрогнула и пошла мелкой рысцой – в сторону Кузьмая. Парень попытался укрыться за скитом, но лошадь тут же поменяла направление и целеустремленно гонялась за изрядно струхнувшим учеником неполных три круга, пока тот не догадался нырнуть в окно

и захлопнуть ставни. Когда заслуживающий возмездия объект скрылся из поля зрения, кобыла наконец обратила внимание на всадницу. Не сразу, но мне удалось ей втолковать, что рывки поводьев что-то означают. Без режущих губы удил от узды было мало толку, оставалось полагаться на добрую волю кобылы.

– Кто тебя учил так останавливаться? – проворчала я, потирая ушибленный бок, но в то же время довольная, что лошадь правильно поняла и выполнила мою последнюю команду. – Прекращай эти фокусы «встань передо мной, как лист перед травой»! Давай так: сначала ты чуть-чуть замедляешь бег, потом еще немного, потом переходишь на шаг и только потом встаешь. Мне уже надоело с тебя падать!

Лошади, судя по ее хитрой морде, это не только не надоело, но и доставляло немалое удовольствие. Ну, раз я все равно очутилась на земле, можно сделать перерыв, тем более что из скита вкусно тянуло шкварками, а Кузьмай расставлял тарелки вокруг плетеной днушки для сковороды.

С аппетитом поглощая жареную колбасу, я расспросила Травника об окрестных селениях и проселочных дорогах. Стармин и Куца лежали в основании треугольника, острым углом вытянутого в сторону Догеvy. Возвращаться через Стармин мне не хотелось, а на карте значились только наезженные тракты. Вернее, не значились: между Куцей и Догеvой зеленел «Глухъ лесъ со всяк чудищъ». Помимо «чудищъ» в глухомани ютились разрозненные деревеньки, которые маг по памяти соединил пунктиром.

Лошадь крутилась неподалеку, пробуя на зуб все подряд: маковки крапивы, дубовую кору, яркие цветки с тыквенной плети на заборчике и Манькин хвост – к счастью, вовремя отдернутый. Даже очевидно невкусные вещи она не выплевывала, а старательно разжевывала и глотала. Наверное, чтобы не ошибиться в следующий раз.

Травник пошептал над ладонью и предложил кобыле янтарный кусок кленового сахара. На иллюзии кобыла обиделась: по-кошачьи сморщила морду, отвернулась и ушла. Маг задумчиво бросил сахар в свою кружку; он растворился там совсем как настоящий и наверняка придавал чаю нужный вкус. – Люблю сладкое, – с улыбкой пояснил старик, – только где ж тут, в глуши, сахар раздобудешь? Да и дóрог он, вот иллюзиями и балуюсь. Но лошадь вашу привести не удалось. Полагаю, от посоха она тоже неспроста шарахнулась.

– Думаете, разглядела его магическую ауру?

– Возможно. Некоторые животные, например мыши, чувствуют колдовство, не понимая его сути, собаки видят истинный облик сквозь чары, узнавая заколдованных хозяев и облаивая оборотней, а кошки способны разрушать волшебство одним своим присутствием.

– А лошади?

Травник признался, что насчет лошадей ничего подобного не слышал.

– Но, – добавил он, – лошадью ее назвать трудно. Если не ошибаюсь, это потомок черного жеребца Повелителя Догеvy?

– Да, Вольта.

В позапрошлом году мы бросили лошадей в соседней деревне, нечаянно телепортировавшись на десятки верст. Селяне живо присвоили бесхозного сивку, но Вольт не пожелал тягать борону на благо сельского хозяйства и спустя две недели объявился в Догеvе – тощий, одичавший, донельзя обиженный на предателя-хозяина, но никого другого к себе не подпускавший. Лён потом рассказывал, что ему пришлось целый месяц подлизываться к жеребцу, чтобы тот сменил гнев на милость и перестал разыгрывать из себя послушную, но тупую скотину.

От Ромашки кобыле досталась узкая белая стрелка вдоль морды да нагловатая хитринка во взгляде. Обольщаться насчет характера я бы тоже не стала.

– Как ваша нога?

– Какая? – не поняла я. – А, ерунда, с утра не болит – я и забыла.

– Вы ее не заговаривали?

– Зачем? На месте вправила. В первый раз подворачиваю, что ли?

Травник помрачнел – видимо, надеялся испытать на мне какое-нибудь особенно тошнотворное снадобье.

– Что ж, – с непонятной печалью сказал он, – будем надеяться, вы приобрели больше, чем можете потерять.

– Примеряете на меня древнее грозное пророчество или отечески предостерегаете?

– Нет, всего лишь по-старчески брюзжу, – улыбнулся маг, вставая из-за стола.

Поблагодарив за гостеприимство и пообещав повторно воспользоваться им в любое удобное для меня время, я с грехом пополам вскарабкалась на лошадь. Кузьмай подал мне сумки и долго махал на прощание, а Манька проводила до опушки Кущи, плавно перетекающей в опушку безымянного бора. Там остановилась, мякнула вслед и с чувством выполненного долга побежала обратно, гордо задрав хвост.

Глухим лес казался только составителям карты. В действительности его пересекала тьматмущая тропинок, простых и двухколейных. Частенько попадалась на глаза вялившаяся на солнце скошенная трава, кое-где темнели коровьи лепешки. Пару раз, выезжая на полянки, я замечала дымок над еловыми макушками и слышала далекое блеяние овец и собачий лай. Как Травник и говорил, люди в лесу селились понемногу, но часто, заимкам и сторожкам не было числа. Пока, впрочем, я не видела ни одной, минуя их стороной.

Кобыла не то чтобы не слушалась узды – скорее не давала повода ею воспользоваться, не сворачивая с тропы и не сбиваясь с неторопливой рыси. Нас обеих это вполне устраивало. Солнце утвердилось в зените, когда лошадь впервые остановилась и попятилась, скорее удивленная, чем испуганная. Тропинку неторопливо переходил здоровенный заяц. Даже не переходил – шествовал с таким царственным видом, что встречным волкам следовало замереть в земном поклоне. Я свистнула в два пальца, заяц вздыбил уши, но ускориться и не подумал.

– Арбалет бы мне, – с сожалением сказала я, – да не сезон. Плешь на плещи.

Заяц обернулся, внимательно рассмотрел мою потрепанную куртку и с не меньшим презрением сморщил нос.

– Леший побери, – огорченно сказала я, когда косой скрылся в кустах, – да надо мной уже зайцы смеются! Надо срочно зарабатывать на приличную одежку и седло. Давай, голубушка, тут недалеко должна быть деревенька.

Вскоре тропинка перешла в утоптанную, а затем и откровенно колдобистую дорогу, разбитую тележными колесами. Ямы заполняла дождевая вода, отстоявшаяся над слоем грязи. Возле околицы она разлилась необъятной лужей, по которой то ли ходили, то ли плавали упитанные гуси. Прозывалось селение соответственно – Гнилец. Десяток обшарпанных домиков под соломенными крышами, редкие корявые жерди, призванные изображать заборы, да общий колодец прямо посреди улицы. В ближайшем дворике медленно и печально рубил дрова шуплый мужичонка. Сизый нос рубщика свидетельствовал о трепетной любви к хмельным напиткам домашнего изготовления, а частые промахи – о ее утренних последствиях. Из окна кособокой хатки то и дело выглядывала дородная баба, чья кислая физиономия ненадолго придавала мужичку творческих сил.

Чем меньше селение, тем любопытнее его жители. Проедь я деревню без остановки, мало кто вспомнил бы обо мне. Но у колодца я спешилась, повертела скрипучий ворот и наполнила флягу водой, озадачив местных кумушек на добрый месяц. Мужичок отложил топор, баба высунулась из окна по пояс.

– Справная у девки лошадка! Эва, смолка какая, – перешепнулись у меня за спиной.

– Смолка так Смолка, – вполголоса согласилась я. – Ты не против?

Свежепоименованная кобыла не возражала.

К колодцу вразвалочку подошел давешний мужик. Косматый, небритый, с изящным расписным коромыслом на плечах, он смотрелся дико, но лучшего предлога для знакомства не придумал.

– Вы, госпожа, небось и кобылку напоить желаете? Так я налью в колоду, пушай хлебает.

– Буду очень вам признательна, – улынулась я.

Мужик с энтузиазмом раскрутил ворот. Стремительно вознесшееся ведро с размаху стукнулось о валик, сорвалось с цепи и грустно булькнуло в недра колодца.

– Щас кряк принесу, выловим, – упавшим голосом пообещал селянин, разглядывая круги на далекой темной воде.

– Не стоит беспокоиться. – Перевесившись через сруб, я поманила ведро, и оно послушно ткнулось в ладонь мокрой ручкой. Мужик, подтянувшийся к колодцу бабы и даже ближайшие кусты удивленно охнули. Я невозмутимо перевернула ведро над колодой и поставила на краешек сруба.

– И кто ж вы такая будете? – осторожно поинтересовался селянин.

– Маг-практик.

– Чаво?

– Колдую за деньги, – терпеливо пояснила я.

– А! – скумекал мужик. – Ведьма, что ль?

Я пожала плечами. Ведьма так ведьма. Понемногу начинаешь привыкать.

– Работы для меня не найдется?

Мужик серьезно обдумал мое предложение:

– Да у нас вроде как и без колдовства все в порядке. Дождей хватает, репа так и прет, куры несутся, помирать никто не собирается, а помершие не беспокоят.

– Подозрительно благодатный уголок, – с легким разочарованием пошутила я. – Зайцы и те сами в горшок лезут, всадникам дороги не уступают.

Толпа ахнула и отшатнулась, торопливо крестясь. Мужик с коромыслом троекратно поплевал через левое плечо и проникновенно заявил:

– Охти, госпожа ведьма, это ж вам знамение было – зайцы-то людям неспроста являются, про них даже в свитках пророческих писано: «Аще встречен зверь, дорогу переходящ – убоись и покайся, ибо се грех великий чует и скорбит душевно»! И вам теперь, значит, непременно его умиловить надоть, а то пуще прежнего осерчает и беду найдет, убыток аль хворь какую.

Я вытаращила на него глаза. «Пророческие свитки», основа белорусской религии, были обнаружены триста лет назад, при раскопках некоего храма, судя по всему – изначально подземного. Расшифровать их до конца так и не сумели, но на всякий случай стали поклоняться, вычитывая между строк всевозможные пророчества и указания насчет правильного образа жизни. Ковен Магов считал пресловутые свитки первой попыткой систематизировать знания о магии – так, четыре почитаемых бога подозрительно напоминали четыре стихии, а некоторые молитвы оказались созвучны заклинаниям. Но народу так понравилось верить в куда более понятных богов, которые к тому же покровительствовали всем желающим, не глядя на магический дар, что храмы в скором времени сравнялись с Ковеном по влиянию. Обычно два этих достойных учреждения сотрудничали, дополняя друг друга; поговаривали, будто нынешний Всерадетель колдует не хуже Верховного Архимага, но выдает этот дар за божий. Прочих «одаренных» священнослужители всячески порицали и при случае пытались наставить на путь истинный, то есть переманить конкурентов на свою сторону.

– И как именно я должна утешать душевно скорбящего зайца? – осторожно уточнила я.

– А у нас тут пенек на опушке имеется: ежели возложить на него хлебца малость, с полковриги, аль яиц пяток, заяц утешится и обратно дорогу перебежит. Тем и спасаемся.

– И часто он так бегают? – поинтересовалась я.

– Грехи наши тяжкие... – неопределенно вздохнул мужик. Его односельчане наперебой стали живописать мне происки злокозненного русака, чья тяжелая лапа беспощадно карала грешников, отнимая молоко у коров и насылая золотуху с почесухой. Возмездия не избежал даже проезжий купец – его лошади внезапно понесли, разметав полный возок добра по лужам вдоль дороги.

К почесухе я отнеслась крайне скептически, а возка у меня не было, как и причин задабривать совершенно незнакомого зайца, переводя на него диетический продукт. Поблагодарив за информацию и вежливо попрощавшись, я кое-как вскарабкалась на лошадь, но сразу уехать не удалось – у околицы ко мне привязалась дряхлая бабка в черном платке и слезно начала умолять о любовном договоре с зайцем, «дабы меня, такую молодую и красивую, не пришлось хоронить за счет деревни». Она даже попыталась всучить мне жертвенный пяток яиц, полагая, что это обойдется ей дешевле. Но тут моему терпению пришел конец, и я популярно объяснила старухе, что не верю ни в богов, ни в зайцев, и если насчет первых еще могу передумать после какого-нибудь особо впечатляющего знамения, то у вторых нет ни малейшего шанса. Даже с бесплатными яйцами. И со злостью пнула лошадь каблуками.

Заяц, естественно, тоже не подумал бегать даром. Но в полуверсте от деревни Смолка резко остановилась, с подозрением разглядывая пустую тропку. Долго размышляла, насторожив уши и помахивая хвостом, затем решительно свернула к обочине, сделала небольшой крюк и вышла на дорогу двадцатью локтями дальше.

Мне стало интересно. Я спешила, намотала повод на руку и пошла обратно. Смолка неохотно переставляла ноги, но в центре чем-то не угодившего ей пяточка разочарованно всхрипнула и успокоилась. Присев на корточки, я поворошила пыль и сразу наткнулась на сухонький травяной стебелек, вырванный с корнем и аккуратно уложенный макушкой к деревне.

– Пожалуй, Смолка, мы и впрямь недооценили зайчишку, – задумчиво сказала я поднимаясь. – Давай-ка вернемся в село и исправим это досадное упущение.

Смолка сообразительно подставила бок, я привычно не допрыгнула и, тихо ругаясь, повела кобылу к ближайшему пеньку.

Сразу за поворотом нам встретился деревенский пьянчуга, томимый жестоким похмельем. При виде меня он разочарованно скомкал пустой мешок и побрел обратно, не желая отвечать на провокационные вопросы: что из моего добра приглянулось ему больше всего и какую долю потребует себе заяц. Проехав мимо, я обнаружила, что вся деревня с жадным интересом ожидает исхода поединка «заяц – ведьма», не думая возвращаться к повседневным хлопотам. Увидев меня целой и невредимой, селяне огорченно завздыхали, но тут же воспряли духом: я поинтересовалась, не продаст ли кто с полдюжины яиц.

Раздобыв искомый деликатес, я торжественно возложила его на пенек у опушки, несколько издевательски повинилась перед зайцем за маловерие и вернулась в деревню. Выждала часок для верности, заодно купила потрошеную курицу себе на ужин и вторично выехала за околицу.

Как только деревня скрылась за деревьями, из кустов показался давешний заяц – второго такого наглого и здорового свет не видал. Я благоговейно придержала лошадь. Длинноухий шантажист неспешно, словно оказывая мне одолжение, пересек дорогу, оглянулся и, кажется, с трудом удержался от глумливого жеста в нашу сторону.

– Смолка... – Я мстительно выдержала паузу, потом резко тряхнула поводьями. – Ату его!!!

Заяц припал к земле, но быстро опомнился и рванул во всю прыть, высоко подбрасывая куцый зад. Вокруг расстилалось кочковатое редколесье, абсолютно непригодное для конной погони – если, конечно, ваша лошадь не выросла на болоте и не боится сломать ногу в барсучьей норе. Из-под копыт полетели клочья травы, в ушах засвистел ветер. Кобыла скакала раз-

машисто и мягко, как кошка, без труда огибая деревья. Задачу она уяснила четко, мне оставалось только цепляться за ее шею и уворачиваться от веток.

Изрядно струхнувший заяц начал петлять, метаться из стороны в сторону, но Смолка вошла во вкус и с легкостью повторяла его выкрутасы. Зверек мелькал то слева, то справа, безуспешно пытаясь прорваться к заваленному буреломом оврагу. Наконец кобыле удалось наподдать ему копытом, заяц кубарем покатился по траве, да так и остался лежать, закрыв морду лапками. Смолка услужливо присела, я наклонилась и подняла зайца за теплые упругие уши. Он обреченно брыкнулся и затих, сопя подвижным треугольничком носа.

– О камень и на ши, – проникновенно сказала я. – Ведьмам дорогу перебегаем? Мороками балуемся? Травку-граюн посреди дороги раскладываем, а лошадям потом волки мерещатся? Или медведи?

Заяц содрогнулся, исхудал и сменил цвет на зеленоватый с проседью. Из-под заострившегося рыльца блеснули мелкие игольчатые зубки.

– Разберешь вас тут, что ни баба – то ведьма, – раскатистым басом прогудел леший. – Уши-то отпусти, не казенные!

Я разжала пальцы. «Заяц» покачулся и сел, не удержавшись на ногах.

– Сиротинушке неимущему яиц пожалела, – буркнул он, ощупывая разом укоротившиеся уши. – И несвежие они у тебя, между прочим. Такие по два за одно считать надо бы!

– Сиротинушки не привередничают, – огрызнулась я.

Именем лешего ругались от Винессы до Волмении. Сей фольклорный элемент якобы знал все на свете и регулярно принимал отправленных к нему гостей; навещать лешего добровольно никто не желал, поэтому посланные обычно обижались и предлагали сходить вместо них. На деле лешие любили поизмываться над заплутавшим человеком, кругами водя по чащобе, но также не гнушались выпить с ним медовухи, подъехать на телеге, а то и соблазнить девку, прикинувшись добрым молодцем (о чем иные молодки нисколько не сожалели, бегая в лес по пять раз на дню). На эти мелкие хулиганства маги смотрели сквозь пальцы, тем более лешие худо-бедно сдерживали прочую нежить и приглядывали за лесом.

– Скажи спасибо, что лошадка у меня не из пугливых, если бы понесла или сбросила, я бы с тобой и разговаривать не стала – сразу на воротник, неимущего. С чего бы это, кстати, неимущего? Вон лес какой, за неделю не объехать.

– Не мой он, – неохотно признался леший, – у него свой хозяин имеется, меня дальше опушки не пускает. Хорошо хоть вообще терпит, мог бы и взашей вытолкать.

– Что ж тебе в родном лесу не сиделось? Тамошний народ разочаровался в зайцах? – ехидно предположила я.

Леший негодуяще фыркнул:

– Кабы не нужда, стал бы я из-за десятка яиц мараться! В том лесу все птицы мне дань платили, чтобы я деревья с гнездами не тряс да котов вредных гонял. Выжили меня, напозла с гор нечисть всякая, самого – страшно сказать! – чуть не съела. Пришлось уйти, ведьму им в печенки...

– Ну спасибо, – хмыкнула я, хоть и не ожидала, что леший будет ругаться самим собой. – Впрочем, от хищной нежити в последнее время и впрямь плюнуть негде. С какой горы ползет-то?

– А то я знаю, как она по-вашему прозывается? Гора и гора. До середины лес, а выше камень. Солнце из-за нее подымается, маковки так и горят.

На юге Белории гор хватало, Элгарский хребт тянулся вдоль всего побережья. Но солнце всходит на востоке, так что речь скорее всего шла о Гребенчатых горах, на стыке Белории, Урсинии и Ясневого Града, страны эльфов. Опять они, последний оплот жмырей! Ох, что-то там нечисто...

Я порылась в сумке, оторвала кусок пергамента и накарябала несколько строк.

– Отнесешь это письмо в Чернотравную Кущу, отдашь старому магу или его ученику, скажешь – от Вольхи Редной. На их болоте как раз вакансия живоглота освободилась. Поскольку свято место пусто не бывает, пусть лучше яйца пропадают. Заодно и за порядком приглядишь, чуть что неладное – доложишь Травнику.

– По болоту мы не спецы, – смущенно признался леший, скребя в затылке. – А ну как с кикиморами не сработаюсь? Засмеют – куда тебе, пенек лесной, на старости лет профессию менять... да и ревматизм у меня...

– Ничего, приспособишься. Кикиморы там скромные, мужским вниманием не избалованные, будешь у них первым парнем на болоте. Живот от ревматизма излечат.

– Эх, была не была! – решил леший, залихватски махнув лапой. – Давай свою бумажонку, отнесу. А за яйца-то не серчай, обживусь – орлиными отдам!

– Все вы так говорите, – вздохнула я, – а потом и жабьей икры не допросишься. Лучше клюквы лукошко какое собери.

– Целую бочку прикачу! – торжественно пообещал леший, и я живо представила полчища недовольных кикимор, получивших разнарядку на клюкву, к священному ужасу встречаемых баб.

Мы распрощались. Заяц ускакал лесом, напрямки, я поехала дальше и спустя два часа обнаружила еще одно селение, покрупнее и побогаче. Там даже имелась своя ведьма, годная «кровь заговорить, девку негодящую замуж выдать, мруна отвадить». Делиться опытом по части девок она не пожелала и в дом меня не пустила, скрипуче бранясь из-за двери. Судя по наивности угроз, о настоящей магии она имела весьма смутное представление и опасалась, что я выведу ее на чистую воду.

Кой-какая работа все-таки нашлась – исцелить корову от мастита. Не доверяя пришедшей ведьме, владелица маячила в дверях хлева, безуспешно укачивая двух спеленатых младенцев, которые орали по очереди, не давая ни минуты покоя. Нервное «баю-баюшки-баю» временами принимало зловещий оттенок, пугающий даже меня. Корова дичилась и брыкалась, не давая коснуться воспаленного вымени, а в благодарность так приложила меня хвостом по глазам, что взревели все четверо: я, младенцы и скотина, в сердцах огрета по крестцу.

Ночевать пришлось в лесу: следующую деревеньку я по карте не нашла, а возвращаться было далеко и поздно. Разложив костер, остаток вечера и до первой звезды я варила курицу. Похоже, эти скорбные жилы вышли из цыплячьего возраста задолго до моего рождения. Пришлось довольствоваться бульоном. Уваренная курица обернулась желтым костлявым монолитом, не поддающимся ни разрыванию, ни подпиливанию ножом в суставах. Осчастливленная Смолка жевала ее добрый час, как ребенок – сливочную тянучку.

Ночь выдалась теплая и звездная. Пахло мхом и хвоей, над головой, на фоне серого неба, с гудением проносились толстые рыжие жуки.

Уже засыпая, я подумала, что у свободного распределения есть свои прелести.

Глава 8

За три последующих дня я посетила еще четыре деревеньки. На куртку скопить не удалось, но монетки в кармане позвякивали, так что голодная смерть нам со Смолкой не грозила.

Работа ведьмы нравилась мне все больше и больше. Льстило неподдельное уважение в глазах селян и восторг детей. Смешил боязливый шепоток за спиной, уверяющий собеседников в моем безграничном могуществе. Никому и в голову не пришло ограбить меня, безмятежно спящую у самой дороги, более того: полудюжинная банда лесных грабителей терпеливо дождалась моего пробуждения и очень вежливо попросила исцелить их главаря от весьма распространенной среди татей болезни – стрелы в зад, за извлечение которой я нахально требовала пять кладней, пообещав скидки при повторном и оптовом обращении.

На широкий тракт я выехала вблизи Камнедержца, миновав его северные ворота вскоре после полудня. В городе, на булыжной мостовой, я запоздало спохватилась, что моя лошадка не подкована. Смолку это несколько не беспокоило, она знай себе топала по камням, глухо и уверенно. Уговорив лошадь поднять ногу, я осмотрела копыто и сначала испугалась – роговую подошву натрое рассекали две глубокие трещины. Но тут Смолка нетерпеливо двинула бабкой и копыто разложилось на три длинных крючковатых когтя, коими лошадь весьма неласково щелкнула у меня перед носом. Вопрос о подковах отпал сам собой. Я вспомнила, как Волт таинственным образом перебирался из стойла в стойло... ничего таинственного, он бы и на крышу без труда влез, жди его там очаровательная белокурая кобыла.

Отыскав самое роскошное здание, я уверенно прошла мимо стражи, на ходу отвернув ворот, под которым блеснул цеховой знак магов-практиков – стальная бляха в форме щита с чеканным мечом острием вверх. Середину лезвия перекрывал восьмиконечный пульсар, полыхая на солнце и фосфоресцируя в тени.

Я не ошиблась – здание принадлежало городской администрации. На мраморном полу лежали вытертые ковры, у закрытых дверей с безнадежными лицами переминались с ноги на ногу просители, от нечего делать перечитывая свои жалобные и кляузные грамотки. Простой люд сюда не пускали, только начиная с десятников городской стражи, купцов и глав ремесленных гильдий. Второй этаж охранялся еще бдительнее, пришлось представиться, назвать цель визита и несколько минут ждать, пока меня примут.

Городской маг мне не понравился. Камнедержцу вообще не везло с дипломированными специалистами, близость Догевы заметно охлаждала их трудовой энтузиазм. Они менялись каждые два года, по окончании стажировки. Прошлого так и вовсе загрызли – правда, не вампиры, а свой же коллега-маг, но популярности вакансии это не прибавило.

На недавнего выпускника нынешний маг не походил, разве что сидел на каждом курсе по три года. Скорее всего, успел сменить несколько мест работы, успеха нигде не добился и предпочел стать большой рыбкой в маленьком пруду, пусть и не слишком чистом.

С коллегой он общался подчеркнуто вежливо, но без малейшей приязни. «Что ты, девчонка, можешь знать такого, чего не знаю я сам?» – сквозило во взгляде мага. Я тоже не сочла его достойным симпатии – светлоглазый, безликий, неопределенного возраста, с тусклыми редующими волосами цвета пыльной мыши. Бесценная находка для тайной службы короля, да он, скорее всего, на нее и работал.

Я коротко сообщила о подозрительном разгуле нежити возле Гребенчатых гор и предложила коллеге связаться с Ковеном Магов, но он выслушал меня со скучающим видом.

– Вы опоздали, Ковен давно оповещен. Два месяца назад в одной из горных пещер был найден и интереса ради активирован Ведьмин Круг. К сожалению, молодой неопытный маг, – он едва удержался, чтобы не добавить: «Вроде вас», – поплатился за свое любопытство и погиб, а несколько тварей вырвались на свободу. Не спорю, они представляют некоторую опасность

для местных жителей, и я должен выразить вам благодарность за ликвидацию жмыря, однако повода для беспокойства не вижу. Круг разобран, а десяток-другой нежити не окажет заметного влияния на местную экологию.

Маг встал и официально пожал мне руку, но садиться не спешил, намекая на скорое прощание.

– Приятно было познакомиться, – вынужденно буркнула я.

Интересно, назвал бы маг влияние жмыря «незаметным», окажись тот у него за стулом? Ладно, сообщила и выбросила из головы.

В коридоре меня поймал градоправитель, толстенький, благодушный и успевший закрепить хорошее настроение бутылочкой вина, а то и двумя. Ссылаясь на занятость городского мага, он подкинул мне небольшую халтуру – вурдалака средней упитанности, загнездившегося в развалинах старой тюрьмы. Уговорившись с градоправителем об оплате, я оставила кобылу на постоялом дворе, расспросила местных жителей и отправилась в гости к жертве.

Тюрьма была разрушена гораздо сильнее, чем мне описывали. Вдобавок она просела – видимо, из-за многочисленных подкопов постояльцев. Еще три года назад в ней содержали разбойников и убийц, осужденных на вечное заточение, так что времени у них было предостаточно. Одно время вурдалак питался заключенными, потом нашел, что тюремщики куда нежнее на вкус, и тюрьму пришлось перебазировать. Вурдалак выразил свое возмущение акцией протеста, в ходе которой был изрядно погрызен целовальник, ночной порой возвращавшийся со свадьбы племянницы. Следующим оказался градоправитель, предшественник моего работодателя. Несмотря на безграничную благодарность, испытываемую последним по отношению к вурдалаку, обещанная мне сумма несколько превышала обычный гонорар мага-практика.

Пристроившись на ополовиненной статuae богини правосудия, серый бюст которой интригующе выглядывал из кущи лопухов и лебеды, я развернула свиток с планом. Итак, вурдалак приватизировал подвальный этаж тюрьмы, состоявший из коридора и ряда пыточных камер. Туда вело три входа – одним пользовались палачи и тюремщики, второй предназначался для заключенных, а по третьему выносили тела – он был прорублен в стене с видом на унылое кладбище, поросшее люпинами. Третий вход с некоторых пор стал для вурдалака парадным выходом – первые два были завалены фрагментами стен и перекрытий: года три назад некий алхимик-самоучка попытался ликвидировать вурдалака, ликвидировав тюрьму. Рвануло так, что стены распустились пионом. Вурдалак пересидел опыт в подвале, а окрестные селяне еще месяц собирали обломки кирпича с возделанных полей и латали соломенные крыши, кроя алхимика последними словами. Теперь к развалинам было не подступиться. В одном месте мне даже пришлось раскрыть небольшой телепорт, чтобы перебраться через нагромождение глыб с вмурованными железными крючьями, в которые превратились прутья оконных решеток.

Я решила не тянуть. Как говорится, раньше зайдешь – раньше выйдешь, а если вурдалак днем спит, то это его проблемы.

Дверь, ведущая в подzemелье, была приоткрыта и заботливо подперта кирпичом.

«Какой гостеприимный вурдалак» – подумала я, с опаской спускаясь по влажным каменным ступеням. Двух нижних не хватало, их словно выдолбили и куда-то унесли, не оставив ни кусочка. Приглушив шаги заклинанием, я соскочила на усыпанный щебнем пол. Прямо мне в глаза смотрел скелет, распятый на дыбе. В прекрасно сохранившемся камине лежали на обрешетке щипцы, большие и маленькие, крючки мерзопакостного вида и погнутый железный сапог. На стене висел припорошенный известкой гобелен – грешники в преисподней, с энтузиазмом лижущие раскаленные сковородки. Подивившись фантазии ткача, я осмотрела комнатку, но не обнаружила ничего интересного, и на цыпочках вышла в коридор. Щебень хрустел, несмотря на заклинание. Тихо ругнувшись, я остановилась, за неимением

метлы сняла со спины меч в ножнах, оседлала его, ухватившись руками за крестовину, подпрыгнула и зависла в воздухе (разумеется, левитировать можно и без подручных средств, но это психологически сложнее, а так возникает хотя бы иллюзия опоры).

Беззвучно расхохотавшись, как и положено отпетой ведьме, я полетела вдоль коридора. Черные проемы распахнутых камер мелькали справа и слева. Я прошупывала их на расстоянии, посылая импульсы с помощью амулета, зажатого в кулаке. Вурдалак не показывался, зато я заметила четкую цепочку следов в пыли, ведущих в одну сторону от входа. Насколько я знала, нежить не признавала обуви, будь то лапти или сапоги на рифленой подошве. Очень, кстати, знакомо рифленой...

Взмыв к потолку, я оглядела темный коридор и заметила встречное движение в его противоположном конце. Спустя минуту клиент сапожника прошел подо мной, настороженно озираясь и вращая длинным узким мечом. Несколько десятков локтей я беззвучно летела следом, снизившись до уровня его затылка, пока свет из приотворенной двери не помог опознать черную всклокоченную шевелюру с длинной проплешиной-шрамом в области темечка. Ну что ж, раз он возвращается, значит, вурдалак почил в мире. Иначе возвращался бы вурдалак. Облегченно вздохнув, я позволила зловещему ведьминскому смеху раскатиться во всей красе.

Шквал обрушившейся на меня ругани мог сбить ворону на лету, но на дипломированную ведьму не подействовал.

– Идиотка! – Вал наконец убрал меч в ножны – после неудачной попытки пырнуть меня под ложечку. – Меня чуть мамырц (*Прим. автора: очень неприличное троллье ругательство*) не хватил!

– Так ты и есть вурдалак? Имидж сменил или как?

– Или как, – хмуро буркнул тролль. – Ты его нашла?

– Нет. А ты?

– Тоже. Лежище нашел – последняя дверь по коридору, куча тряпок, костей и линялой шерсти. Что за лабарр (*Прим. автора: еще более неприличное троллье ругательство*), днем вурдалаки на улицу не выходят!

– Может, ходил в гости и заночевал?

– Гхыр (*Прим. автора: это ругательство считается неприличным даже среди самих троллей*) его знает. Тебя кто финансирует, цыпа?

– Градоправитель.

– А меня купец Бобрыкин, евойную дочку вурдалак давеча пошамал. Слушай, ты не говори своему, лады?

– Вот еще. Тебе лапа и мне лапа, деньги по факту предъявления.

– Угу. Ну, вдвоем мы его живо уделаем!

– А он один?

– Да вроде бы. Только где? Может, ты, ведьма гхыровая (*Прим. автора: ну, я думаю, тут вы и сами догадаетесь*), его спугнула?

– В начале коридора его не было.

– В конце тоже. Давай анекдоты травить – глядишь, заржет поганец.

– Если он здесь.

– Здесь. Нюхом чую.

– Меня небось не вычуял.

– Так ты ж с воздуха подкралась!

Одна и та же мысль поразила нас одновременно, мы задрали головы, и тут вурдалак прыгнул. Вал профессионально кувыркнулся в сторону, я взвизгнула и свалилась с меча. Вурдалак по-кошачьи извернулся, приземлившись на все четыре лапы прямо передо мной, и падающий меч метко треснул его по макушке. Пока монстр озадаченно мотал головой, тролль выхватил свой клинок и вскочил зверю на спину, сжав коленями бока. Вурдалак злобно взревел и ткнул

в Вала разъявленной пастью, да так и застыл, скованный моим заклинанием. Всего на пять секунд, но в нашем ремесле хватает и одной.

Переждав конвульсии, Вал выдернул засаженный по самую рукоять меч, поднялся и презрительно сплюнул на пол возле безжизненной туши.

– Вовремя заметили. Вон он, гад, где сидел. – Троль ткнул мечом в потолок, под которым в одной из стен образовалась изрядная ниша. – Слетай, погляди – вдруг там у него выводок остался?

– Не остался. – Я медленно перевернулась на живот, нащупала меч и встала на четвереньки. – Чур, мне передняя правая. Сколько тебе обещали?

– Сорок.

– За такие деньги можешь выпотрошить гада и вернуть купцу остатки доченьки. Кстати, о деньгах...

Вал криво и виновато ухмыльнулся, развел руками.

– Извини, цыпа, разминулись. Я бы отнес тебе эти паршивые сто монет в тот же день, но мне пришлось срочно уехать из города.

– Ничего себе, паршивые! – возмущенно хохотнула я. – Добрый жеребец или стельная корова! Если это такая мелочь, то, полагаю, тебя не затруднит вернуть мне старый должок?

– Конечно, паршивые, – нахально подтвердил наемник, – были бы приличные, у меня бы хоть что-нибудь от них осталось, а так – могу предложить тебе только своего старого мерина.

– Это который доживает последние дни в первом стойле слева от двери на конюшне постоянного двора? На кой он мне? Ему цена – десять монет, и то если живодер расщедритя.

– Ну, могу и не предлагать, – охотно согласился Вал.

– Вот сейчас превращу тебя самого в мерина и продам обоих на живодерню! – пригрозила я.

– Валяй, – философски пожал плечами троль.

Естественно, колдовать я не стала, и Вал прекрасно это знал. Я распрощалась со своей половиной нашего совместного заработка еще полтора года назад, тем более что Лён с лихвой возместил мне ее потерю. Мстить троллю было глупо, попытаться выбить деньги силой – еще глупее.

– Не переживай, цыпа! – Наемник ободряюще похлопал меня по плечу. – Главное не деньги, а связи. Если я тебе понадобится – только свистни, за мной не заржавеет!

– Вот уж точно: связалась, так не отвяжешься, – проворчала я.

К постоянному двору мы пошли вместе. По дороге я тщетно пыталась выпросить у тролля об Арлиссе вообще и неприязни Лёна к этой долине в частности, но Вал только загадочно и как-то на редкость гнусно ухмылялся, разжигая мое любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.